

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории Беларуси нового и новейшего времени**

НЕЧИПУРЕНКО Иван Сергеевич

**СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
БССР в 1920–1930-е гг.**

Магистерская диссертация
специальность 1-21 80 1 – «Отечественная история»

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор А. Г. Кохановский

(подпись)

«___» _____ 2017 г.

Допущена к защите
Зав. кафедрой истории Беларуси
нового и новейшего времени,
доктор исторических наук, профессор
_____ А. Г. Кохановский
«___» _____ 2017 г.

Минск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Общая характеристика работы.....	3
Агульная характарыстыка працы	5
General Description of Thesis	7
Введение	9
Глава 1 Источники и историография. Методология исследования	12
1.1 Историография	12
1.2 Обзор источников.....	16
1.3 Методы и методология изучения	18
Глава 2 Государственное регулирование в сфере занятости населения .	21
2.1 Законодательное и административное регулирование структуры занятости населения.....	21
2.2. Учёт структуры занятости населения в БССР	30
Глава 3 Изменения структуры занятости городского населения	33
3.1 Структура занятости городского населения в период НЭПа	33
3.2. Индустриализация и изменения в структуре занятости городского населения.....	36
Глава 4. Занятость и социальные изменения сельского населения	41
4.1 Занятость сельского населения в период НЭПа	41
4.2 Социальные изменения в условиях коллективизации.	45
Заключение.....	50
Список источников и литературы.....	54

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ключевые слова: БССР, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ТРУД, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ, НЭП.

Актуальность. Структура занятости населения является одним из важнейших показателей уровня развития экономики государства, во многом отражает успешность его внутренней и социальной политики. Соответственно исследование факторов оказывающих влияние на структуру занятости населения, её изменение, может дать исчерпывающие ответы на многие вопросы касающиеся экономики, успешности социальной политики и общего уровня развития государства.

Цель магистерской диссертации – установить структуру занятости населения БССР в 20-30-е гг. XX века.

Объект работы – социально-экономическая политика в БССР в 1920-1930-х гг. **Предмет** – структура занятости населения БССР и их динамика в 1920-1930-е гг. **Методологической основой** магистерской диссертации стали принципы объективности, историзма, системности и ценностного подхода.

Основные положения, выносимые на защиту.

В 1920-1930-е гг. структура занятости населения БССР подверглась резким и скоротечным по времени изменениям. Увеличилось число рабочих фактически всех специальностей, интеллигенции, служащих.

Параллельно с процессом изменения структуры занятости населения шёл «слом» традиционного уклада жизни значительной части населения, ликвидация безграмотности и трансформация общей социальной структуры общества.

Научная новизна

В данной работе впервые в отечественной и зарубежной историографии был проведён комплексный и системный анализ трансформации структуры занятости населения, её трансформации в межвоенный период.

Изучение данного вопроса проводилось в тесной взаимосвязи с многочисленными факторами внутривнутриполитического развития страны: эволюцией законодательства, экономическим развитием, изменениями в ментальности и уровне образования занятого населения и с применением обширной методологической базы.

Структура и объем магистерской диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем работы – 60 страниц. Из них: список источников и литературы – 7 (96 наименований), краткая характеристика работы на русском, белорусском и английском языках – 6.

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ПРАЦЫ

Ключавыя словы: БССР, САЦЫЯЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА, ПРАЦА, ПРАФЕСІЙНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЬНІЦТВА, САЦЫЯЛЬНЫЯ ТРАНСФАРМАЦЫІ, САЦЫЯЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЬНІЦТВА.

Актуальнасць. Структура занятасці насельніцтва з'яўляецца адным з найважнейшых показателкй ўзроўню развіцця эканомікі дзяржавы, шмат у чым адлюстроўвае паспяховасць яго ўнутранай і сацыяльнай палітыкі. Адпаведна даследаваныя фактары аказваюць ўплыў на структуру занятасці насельніцтва, і яе змена, можа даць вычарпальныя адказы на многія пытанні якія тычацца эканомікі дзяржавы.

У рамках дадзенай магістарскай дысертацыі ўпершыню была зроблена спроба разгледзець структуру занятасці насельніцтва ва ўзаемасувязі з сацыяльнымі і эканамічнымі фактарамі.

Мэта магістарскай працы – прааналізаваць дынаміку трансфармацыі структуры занятасці насельніцтва БССР у 20-30-я гг. XX стагоддзя.

Аб'ект працы – структура занятасці насельніцтва БССР у 1920-1930-х гг. **Прадмет** – змены ў структуры занятасці насельніцтва БССР і іх дынаміка ў 1920-1930-я гг. **Метадалагічнай асновай** магістарскай дысертацыі сталі прынцыпы аб'ектышнасці, гістарызму, сістэмнасці і каштоўнаснага падыходу.

Асноўныя палажэнні, якія выносяцца на абарону.

У 1920-1930-я гг. структура занятасці насельніцтва БССР падвергнулася рэзкім і хуткаплынным па часе зменаў. Павялічылася колькасць рабочых фактычна ўсіх спецыяльнасцяў, інтэлігенцыі, служачых.

Паралельна з працэсам змены структуры занятасці насельніцтва ішоў «злом» традыцыйнага ўкладу жыцця значнай часткі насельніцтва, ліквідацыя непісьменнасці і трансфармацыя агульнай сацыяльнай структуры грамадства.

Навуковая навізна

У дадзенай працы ўпершыню ў отчечественной гістарыяграфіі быў праведзены комплексны і сістэмны аналіз трансфармацыі структуры занятасці насельніцтва, яе трансфармацыі ў міжваенны перыяд.

Вывучэнне дадзенага пытання праводзілася ва ўзаемасувязі з многімі фактарамі ўнутрыпалітычнага развіцця краіны, эвалюцыяй заканадаўства, эканамічным развіццём, зменамі ў ментальнасці і ўзроўні адукацыі самага занятага насельніцтва з прымяненнем шырокай метадалагічнай базы..

Структура і аб'ём магістарскай дысертацыі. Дысертацыя складаецца з ўвядзення, чатырох глаў, заключэння, спісу выкарыстаных крыніц і літаратуры. Агульны аб'ём работы – 60 старонак. З іх: спіс крыніц і літаратуры – 7 (96 найменняў), агульная характарыстыка працы на рускай, беларускай і англійскай мовах – 6.

GENERAL DESCRIPTION OF THESIS

Theme: The structure of employment of the population of the BSSR in the 1920-1930's. XX century.

Keywords: BSSR, SOCIAL POLICY, LABOR, OCCUPATIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION, SOCIAL TRANSFORMATIONS, SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION.

Relevance. The structure of the employment of the population is one of the most important indicators of the level of development of the state's economy, in many respects reflects the success of its internal and social policy. Accordingly, the study of factors that affect the structure of employment of the population, its change, can provide exhaustive answers to many questions concerning economy of the state.

Within the framework of this master's thesis, was first attempt to examine the structure of employment of the population in correlation with social and economic factors.

The purpose of the thesis is to analyze the dynamics of the transformation of the employment structure of the BSSR in the 20-30s. XX century.

The object of work is the structure of employment of the population of the BSSR in the 1920s-1930s. **Subject** – changes in the employment structure of the BSSR population and their dynamics in the 1920s-1930s. **The methodological basis** of the thesis work was the principles of objectivity, historicism, systemic and value approach.

The main provisions to be defended.

In the 1920-1930-ies. The structure of employment of the population of the BSSR has undergone sharp and transitory changes in time. The number of workers in virtually all specialties, intellectuals and employees has increased.

In parallel with the process of changing the structure of the employment of the population, the traditional way of life of a significant part of the population was scrapped, the elimination of illiteracy and the transformation of the general social structure of society.

Scientific novelty

In this work, for the first time in ocestic historiography, a comprehensive and systemic analysis of the transformation of the employment structure of the population, its transformation in the interwar period, was carried out.

The study of this issue was carried out in conjunction with numerous factors of domestic political development of the country, the evolution of legislation, economic development, changes in the mentality and level of education of the employed population, using an extensive methodological base..

Structure and volume of the master's thesis. The thesis consists of an introduction, four chapters, an opinion, a list of sources used and literature. The total amount of work is a 60 pageы. Of these: a list of sources and literature – 7 (96 titles), General Description of Thesis in Russian, Belarusian and English – 6.

ВВЕДЕНИЕ

Профессия – один из основных «ингредиентов» общества. В профессиях отражаются общественная структура и общественные процессы, благодаря чему история профессий является в определённой степени историей общества, а формирование структуры занятости населения, профессией, их прав и обязанностей – моделированием общества. Соответственно количество исследований направленных на изучение профессиональной истории, структуры занятости белорусского общества будет только повышаться.

Структура занятости населения – важная и многоплановая область экономической и социальной жизни общества. Она охватывает как рынок рабочей силы, так и ее непосредственное исследование в общественном производстве. На структуру занятости населения влияют такие факторы как стоимость труда, условия найма работников, условия труда, возможность получения образования, профессионального роста, гарантии занятости и т.д. Структура занятости населения отражает основные тенденции в динамике занятости, ее основных структурах, также мобильность рабочей силы, безработицу. Поэтому формирование и регулирование структуры занятости населения – одна из ключевых и наиболее острых проблем экономики.

Трансформация общества в 1920-1930-е гг. существенным образом влияла на формирование социальной базы советской власти. Историки, исследовавшие феномен социальной мобильности и динамики структуры занятости населения в общесоюзном масштабе, обнаружили, что одной из главных тенденций рассматриваемого периода была миграция сельских жителей в города, пополнение ими пролетариата. Эти процессы были обусловлены не только объективными социально-экономическими факторами, но и внутренней логикой построения «пролетарского государства», установкой на «пролетарскую идентичность».

Структура занятости населения представляет собой систему общественных отношений, отражающих уровень развития и достигнутый на данный период баланс интересов между присутствующими силами: предпринимателями, трудящимися и государством.

Структурно магистерская диссертация состоит из краткой характеристики работы на трёх языках, введения, четырёх глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются историография, источники, методы и методология исследования. Во второй главе анализируются государственное регулирование в сфере занятости населения. Третья и четвёртая главы посвящены структуре занятости и её изменениям среди городского и сельского населения соответственно.

Хронологические границы исследования охватывают период от старта новой экономической политики в 1922 г. до воссоединения Западной Беларуси с БССР осенью 1939 г.

Территориальные границы включают в себя территорию БССР в собственных административно-территориальных границах с учётом двух укрупнений в 1924 и 1926 гг.

Целью данной магистерской диссертации будет установить структуру занятости населения БССР в 20-30-е гг. XX века.

Достижение поставленной цели потребует решения следующих **задач**:

1. Показать государственное регулирование структуры занятости населения через исследование нормативно-правовых актов, системы правоотношений и регулятивных мер советского правительства

2. Определить динамику изменения структуры занятости городского населения

3. Проанализировать процессы в сфере занятости населения сельской местности.

Объектом работы является социально-экономическая политика в БССР в 1920-1930-х гг., а предметом – структура занятости населения БССР и их динамика в 1920-1930-е гг.

Научное исследование построено на принципах историзма, объективности, системного и ценностного подходов, которые позволили рассмотреть структуру занятости в БССР в 1920-1930-е гг. в целостном виде, каждый элемент которого имеет особое функциональное значение в историческом прошлом данного региона. В исследовании использовались специальные исторические (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-системный, структурно-функциональный, социально-психологический, историческая ретроспекция), статистические (прямые и косвенные методы, методы выборочного статистического изучения, социологические (количественные и качественные) методы получения информации и общенаучные приемы (обобщения, анализа, синтеза, сравнения). Важное значение придавалось использованию исторических, демографических, экономических, социологических, юридических, психологических подходов.

Таким образом, характеристики структуры занятости населения являются важнейшими показателями социально-экономического развития любого государства, причём, в отличие от, например, таких показателей, как объём выработки промышленного производства или ВВП прямо отражают общий уровень жизни населения, его доступность к основным благам, развитость

экономических отношений в государстве, качество социальной политики государство. Также от эффективности использования человеческих ресурсов во многом зависела и общая эффективность функционирования экономики СССР. Этим и определяется крайне высокая степень важности и актуальности подобных характеристик, а соответственно и посвящённых им исследований в современной исторической науке.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

В современной историографии наблюдается устойчивый рост интереса к исследованию вопросов социально-экономического развития в различные периоды белорусской истории. Одним из таких вопросов является структура занятости населения в межвоенный период в БССР.

Системно данная проблематика напрямую фактически не изучалась ни в одной работе советского, российского, или белорусского исследователя. Чаще всего структура занятости населения анализировалась в контексте социально-экономического развития, социальной истории или истории рабочего движения БССР. Соответственно первые работы, посвящённые данной проблематике стали появляться фактически синхронно с образованием СССР. Также следует отметить, что научные исследования, изучающие социальные трансформации и структуру занятости населения БССР начали выходить, начиная со второй половины XX века.

Единственным исключением можно назвать исследование Я. Шнейдера «Обнищание крестьянства Западной Беларуси и путь к зажиточной жизни в БССР», вышедшая в 1934-ом г. В котором автор приводил информацию по динамике изменения численности работающего населения, общему уровню жизни крестьян, рабочих и служащих [89, с. 4].

В данной работе советский историк стремился обосновать тезис об улучшении качества жизни белорусов в БССР и снижения этого показателя для белорусов проживающих в Польше. В качестве доказательств приводилась многочисленная статистика демонстрирующая ухудшение основных жизненных показателей в Западной Белоруссии и повышение качества жизни в БССР. Несмотря на некоторую тенденциозность и субъективность приведённой информации в исследовании Я. Шнейдера содержится значительный пласт важного для понимания структуры занятости населения фактологического материала.

Также в межвоенное время было издано значительно число работ затрагивающих такие вопросы, как трудовое право советского союза [33, с. 34], рост производительности труда [82], уровень жизни населения Советского Союза [65, 36]. В них напрямую не исследовался вопрос структуры занятости населения и также они изучали общесоюзные аспекты, связанные с трудом.

Тем не менее, данные исследования, содержат ряд сведений по структуре занятости населения БССР в общесоюзном контексте.

Тематика структуры занятости населения в довоенный период также косвенно затрагивалась в исследованиях по демографии таких авторов, как С. Слупский, Д. Пославский, Б. Смулевич, М. Довнар-Запольский, монографиях С. Вольфсона [25].

В послевоенный период возрос интерес со стороны отечественной историографии к вопросам связанным с изучением профессиональной структуры белорусского общества, распределением занятий. Преимущественно исследовались аспекты структуры занятости населения в контексте экономической истории.

Изменение структуры занятости населения, урбанизационные процессы, повышение уровня жизни населения БССР исследовал в своей монографии «Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства: на примере Белорусской ССР (1917-1941 гг.)» Л. М. Лыч [41].

В контексте марксистско-ленинской парадигмы изучения истории автор обосновывал тезис о ликвидации отсталости БССР от РСФСР на протяжении межвоенного периода в результате грамотной политики общесоюзного руководства и руководства республики. Важную роль в ликвидации подобной отсталости сыграли процессы урбанизации, повышения грамотности населения.

Изучалась структура занятости населения, уровень безработицы, процессы урбанизации и индустриализации, повышение благосостояния населения в монографии АН БССР «Развитие экономики Белоруссии в 1928-1941 гг». Особое внимание авторским коллективом под руководством кандидата экономических наук В. И. Дрица уделялось плановым методам в управлении экономикой и их роли в общем социально-экономическом развитии страны [26].

В отдельной главе исследовались трансформации структуры занятости населения в контексте превращения БССР из аграрной страны в индустриально-аграрную. Также значительное внимание уделялось повышению уровня жизни населения.

Массивы статистической информации, касающейся изменения структуры занятости населения БССР, его уровня жизни, образования обработал и привёл в своём исследовании «Население БССР», вышедшем в 1969 г. А. А. Раков. Особенно ценна его работа тем, что в ней все процессы социальной трансформации рассматриваются в длительной исторической ретроспективе. То есть прослеживаются изменения не только за межвоенный период, но начиная с самого начала XX века [64].

На материалах первой Всесоюзной переписи населения 1926 года в статьях С. Слупского, А. Смолича, Г. Горецкого, В. Кнорина [72, 40], показаны источники пополнения интеллигенции, круг которых резко расширился за счет привлечения «старых» специалистов, выдвиженчества и регулирования социального состава студенчества.

В современный период интерес к социально-экономическому развитию западных регионов Беларуси в межвоенный период как минимум не уменьшился.

Вопросы, связанные со структурой занятости населения, такие как процессы урбанизации и индустриализации, количество безработных, уровень жизни населения, условия законодательного регулирования трудовых отношений были освещены в монографии В. И. Голубовича. Автор, в целом, положительно оценивает изменения структуры экономики, произошедшие в БССР в довоенный период [18, с. 18].

Социальные трансформации белорусской деревни рассматриваются в исследовании Ходина С. Н. «Беларуская вёска ў міжваенны час» В издании исследуются исторические источники и определяются основные этапы и направления историографии важнейших изменений в белорусском селе в контексте теории модернизации. Особое внимание уделяется фактору социальной психологии крестьянства, традиционным крестьянским институтам и занятиям крестьянского населения, которые трансформировались под влиянием демографических процессов и политики советской власти [82].

Рассматривается проблематика структуры занятости населения и в комплексе социально-экономического развития БССР. Так, в «Истории Беларуси», изданной в 6-ти томах под редакцией академика М. Костюка социально-экономическое развитие белорусских земель, рынок труда и уровень жизни населения отдельно изучается в двух главах четвертого раздела издания. В итоге белорусские авторы приходят к выводу, что уровень развития рынка труда, равно как и уровень жизни населения на всём протяжении существования БССР находились на достаточно высоком уровне [17].

Таким образом, современная белорусская историография истории БССР в межвоенное время находится под большим влиянием старых догматических постулатов, которые господствовали в отечественной исторической науке в советское время. Вместе с этим, современные белорусские исследователи проводят глубокие исследования различных аспектов истории БССР 1920-1930-х гг. Несмотря на ряд отмеченных выше отрицательных тенденций, исследование истории БССР в межвоенное двадцатилетие продолжается и все новые ее эпизоды становятся достоянием общественности.

Современная российская историография в парадигме рассматриваемой проблематики в первую очередь интересна исследованием переписей, проводившихся на территории Советского Союза.

Так как они играют большое значение в исследовании структуры занятости населения. Исследованию переписи населения посвящены такие работы, как «Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года» и «Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное» написанные авторскими коллективами под руководством профессора В. Б. Жиромской. В данных работах даётся описание механизмам проведения переписи 1937-го года, разбираются основные ошибки и искажения составителей переписи [27, 28].

Одному из важнейших аспектов структуры занятости населения – демографическому посвящены многочисленные работы польского историка Петра Эберхардта, среди которых отдельно можно выделить монографию «Изменение состава Народонаселения на Беларуси» в которой исследователь рассмотрел социальный, конфессиональный и национальный составы населения территории современной Беларуси на протяжении всего двадцатого столетия. Несмотря на некоторую тенденциозность оценок, следует отметить колоссальный объём статистического материала собранного и проанализированного Эберхардтом [91, с. 15].

Из англоязычной историографии следует отметить работу швейцарского историка украинского происхождения С. Загорского «Регулирование труда и зарплаты в СССР», изданную в Женеве в 1930 г. В своём исследовании он затрагивал такие вопросы, как трудовое законодательство, органы регулирующие распределение трудовых ресурсов и уровень жизни в Советском Союзе [96].

Территория БССР отдельно не рассматривалась в исследовании, однако по ней приводился ряд сведений статистического характера в рамках её изучения как одной из республик СССР.

Из современных зарубежных исследователей также можно упомянуть американскую исследовательницу Ш. Фицпатрик, которая в своей статье «Господствующий класс: конструирование социальной идентичности в Советской России» раскрыла вопросы связанные с изменением ментальности советских людей, в первую очередь сельского населения, связанную с трансформацией условий жизни и в первую очередь изменением условий и мест труда [93, с. 101].

К числу вопросов ранее не освещавшихся ни в отечественной, ни в зарубежной историографии будет относиться именно комплексное рассмотрение вопросов занятости, структуры населения БССР. А именно изучение струк-

туры занятости во взаимосвязи с уровнем жизни населения, образовательным уровнем, изменением ментальности жителей в связи с трансформацией привычного уклада население, государственным регулированием условий труда и достаточно большим количеством иных факторов.

Таким образом, вопросы структуры занятости населения БССР на данный момент в значительной степени не изучены. Имеют место лишь фрагментарные исследования одного из аспектов трудовых отношений, либо вообще их комплексное исследование в рамках изучения социально-экономической и внутривластной ситуации.

Остаются неизученными документы советской статистики в которых приводилась, в частности, средняя зарплата и средний уровень цен, уровень жизни населения. До последнего времени не использовались в должной степени и нарративные источники, главным образом воспоминания самих жителей Беларуси. В рамках данной магистерской диссертации была предпринята попытка ликвидировать данное допущение, сложившееся в отечественной историографии и в том числе изучить историю рынка труда с привлечением ранее не используемых исторических источников.

1.2 Обзор источников

На данный момент по изучаемой проблематике введено в научный оборот и находится на хранении в архивах колоссальное количество исторических источников. В соответствии с источниковедческой классификацией разделим их на подгруппы и отдельно охарактеризуем каждую.

В первом классе будут находиться законодательные источники. Прежде всего, можно выделить Конституции ССРБ 1919-го года и БССР 1927 и 1937-го гг. в которых определялась первичная правовая защита свободного труда государством, признание общественно важности труда и прочие общие правовые положения.

Более приближенными к теме дипломной работы являются Законы, непосредственно регулирующие правоотношения в сфере труда. Таковыми будут являться в первую очередь кодексы законов о труде РСФСР и БССР. Разные редакции кодексов законов о труде, действовавшие на территории Беларуси издавались в 1918, 1922 и 1929 гг. [29, с. 31].

Несмотря на относительно небольшой вклад заключённых в экономику Беларуси, его нельзя игнорировать. Их труд регулировался на законодательном уровне Исправительно-трудовым кодексом (ИТК) БССР, Имеются и

касающиеся тематики рынка труда и социальной структуры населения актовые источники, в первую очередь к ним можно отнести договоры между нанимателем и работником, либо между профсоюзом и нанимателем. Также к теме данного исследования будут относиться и некоторые внешнеполитические актовые источники [33, с. 34].

Первая перепись была проведена в августе 1920 г. Говорить о ее высокой степени точности и объективности нельзя, так как на территории Беларуси сказывались тяжёлые последствия советско-польской войны. К тому же в некоторых районах Беларуси свирепствовал бандитизм.

«Усеченный» характер имела и следующая перепись, которую проводили в марте 1923 г. Она исследовала только состав городского населения. В декабре 1926 г. была проведена первая всесоюзная перепись. В переписном листке кроме области, губернии, округа стояла и такая административно-территориальная единица как кантон. В соответствии с первой всесоюзной переписью население Беларуси составляло 4 млн. 925 тыс. человек.

Наиболее интересной с исследовательской точки зрения и одновременно проводившейся в самых сложных политических условиях являлась всесоюзная перепись населения января 1937 г. Ее особенностью было то, что она учитывала не постоянное (проживающее больше года) население, а наличное (те лица, которые находились на территории, подлежащей переписи, включая временно прибывших) население [14, с. 87].

Ее итоги зафиксировали снижение реальной численности населения в результате индустриализации, насильственной коллективизации и массовых репрессий. Это диссонировало со сталинскими установками про успехи социализма в СССР. Весьма неприятным для политического руководства оказалось и то, что по результатам переписи большая часть населения страны после двух десятилетий борьбы государства с религией оказалась верующей.

По этим причинам особое постановление советского правительства в сентябре 1937 г. объявило «грубейшее нарушение элементарных основ статистической науки» в ходе проведения переписи и объявило ее итоги «дефектными» [59].

Перепись 1937 г., помимо прочего, зафиксировала также и негативное, а нередко и враждебное отношение к себе во многих регионах СССР. И БССР не была исключением. Так, в одной из оперсводок республиканских статистических органов на имя руководства КП(б)Б и НКВД БССР (февраль 1937 г.) сообщалось, что в некоторых районах БССР имели место случаи «классово-враждебной и контрреволюционной агитации против переписи». Причём чиновники по статистике сообщали не о случайных, а о систематических и целенаправленных «провокациях», объясняя их возникновение

близостью границы, слухами о предстоящей войне, очередной кампанией раскулачивания и высылками.

Те, кто выступали против переписи, не брались за оружие, как в годы коллективизации. Главной формой протестов против переписи было неучастие. К примеру, собравшиеся 200 жителей Лепельского района демонстративно молчали, когда к ним обращались переписчики, некоторые засовывали себе в рот платок.

Тем не менее, официальные результаты переписи для БССР были благоприятными. Численность населения составила 5 млн. 110 тыс. или 103,8% по сравнению с 1926 г. «Дефектная перепись» 1937 г. была заменена новой переписью, которая была проведена в январе 1939 г. По ее данным, численность БССР составила 5 млн. 270 тыс. [59].

Важную роль в исследованиях различных аспектов рынка труда и изучении социальной структуры населения играет статистика – система сбора сведений для обеспечения обратной связи в системах управления. Под статистическими материалами, таким образом, понимают любые массовые данные, которые может обрабатывать статистика.

Среди повествовательных источников особое значение принимают воспоминания современников изучаемых событий. Сегодня, поветсовательная, или устная история (oral history) является одним из важнейших направлений развития современной исторической науки. Как отмечает британский историк Гуин Принз: «устная история с ее деталями, гуманностью, часто с ее эмоциями и всегда с развитым скептицизмом относительно полноты исторической работе, прежде всего, адресована таким сущностным элементом задачи историка, как традиция и память, прошлое и настоящее» [21].

Важную роль в исследовании тематики рынка труда БССР играет «Белорусский архив устной истории». На его сайте есть специальная рубрика, где помещены материалы (воспоминания свидетелей истории) посвященные их жизни в городах и сёлах БССР, проблемам связанным с поисками работы и повседневной жизнью [3].

Вторым важным собранием мемуарных источников по истории повседневности БССР можно считать электронный ресурс «Я помню». Несмотря на то, что основная его часть посвящена событиям Второй Мировой войны, имеется значительный массив воспоминаний, рассказывающих о насущных аспектах жизни в довоенной Беларуси в который, естественно фигурирует информация о том, как именно трудились простые советские белорусы [2].

Таким образом, к основным источникам, использованным в исследовании, необходимо отнести законодательные акты, статистическую информацию, в первую очередь материалы переписей, воспоминания самих жителей

БССР. Данные источники позволяют отразить процессы, прямо или косвенно связанные со структурой занятости населения БССР в 1920-1930-х гг.

1.3 Методы и методология изучения

Решение каждой исследовательской задачи требует соответствующего и адекватного выбора методов. Методологическая основа исследования определена подходами, которые предлагает социальная история, направленная на изучение изменений в масштабах широких социальных групп населения и на изучение социального поведения людей в различных аспектах, в том числе в связи с изменениями структуры занятости населения. Исследование базируется на основных принципах исторического познания: историзма и объективности. Принцип объективности - основной метод в ходе исследования, способствующий опоре на конкретные исторические факты, непредвзятой их оценке, критическому подходу к источникам и историческому материалу. Благодаря принципу историзма, структура занятости населения и, факторы на неё влияющие, исследуется в развитии.

Основополагающими принципами данного исследования являются объективность, историзм и причинная обусловленность. Инструментарием в исследовании стали общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и обобщение) и специально-исторические (историко-генетический метод, историко-сравнительный, историко-системный, статистический, методы экстраполяции и интерполяции данных).

Статистический метод представляющий из себя совокупность взаимосвязанных приемов исследования массовых объектов и явлений с целью получения количественных характеристик и выявления общих закономерностей путем устранения случайных особенностей отдельных единичных наблюдений позволил на основании анализа метариалов переписи и текущего учёта определить трансформацию структуры занятости населения.

Также в рамках исследования применялся метод экстраполяции данных заключающийся в распространении выводов, полученных из рассмотрения динамики явления, на другую его часть.

Использование специально-исторических методов позволяют взглянуть на предмет исследования с точки зрения историка.

Историко-генетический метод позволил понять не только последовательность событий во времени, но и общую динамику изменений структуры занятости населения БССР рассматриваемого периода.

Историко-сравнительный метод направлен на рассмотрение объекта исследования во времени и пространстве. Этот метод позволил выделить основные векторы внешнеполитического курса и проанализировать как отличалась структура занятости населения БССР по годам.

Для выхода на теоретический уровень исследования, выявления, сущности происходящих в изучаемый период процессов использовались такие типы научных построений, как причинно-следственные, генетические и функциональные.

Историко-системный метод дал возможность рассматривать структуру занятости населения БССР во взаимосвязи с другими сторонами жизни, внутренней политикой государства.

Таким образом, данная работа опирается на разработанную методологическую базу, которая позволит оптимальным способом добиться поставленной цели исследования.

ГЛАВА 2 ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

2.1 Законодательное и административное регулирование структуры занятости населения

Регулирование условий труда в СССР относилось к компетенции государственных органов и профсоюзов. Правительственные органы, на которые было возложено регулирование условий труда, могли быть подразделены на общесоюзные органы и власти союзных республик.

Комиссариат труда СССР являлся основным органом по централизации и руководству трудовых комиссариатов всех республик, входящих в состав СССР, включая БССР. В сферу компетенций Наркомтруда БССР входило регулирование рынка труда, борьба с безработицей, регулирование условий труда, коллективные договоры, производственные споры и социальное страхование, контролирует применение законодательства о труде и социальном страховании [97, с. 21].

В дополнение к этим функциям комиссариат по труду Союза должен был составлять годовые планы производственной деятельности, изучать и следить за изменениями на рынке труда, заработной платы, производительности труда в промышленности и т. д. А также собирать статистические данные связанные с трудовой деятельностью населения и разрабатывать единые методы статистических исследований в сотрудничестве с Центральным статистическим управлением. Среди центральных государственных органов, занимающихся регулированием условий труда, следует упомянуть следующие:

Во-первых - это высший экономический совет СССР, который в соответствии с положениями от 12 ноября 1923 г. занимался вопросами экономической политики и организации труда.

Во-вторых, рабоче-крестьянская инспекция обеспечивающая государственный контроль за сферой труда, в обязанности которой входило: (а) наблюдение и координация работы всех государственных органов, занимающихся управлением трудом на местах, организация производственного и административного ресурса; (б) созыв конгрессов и конференций для изучения этих вопросов; (в) разработка планов и программ подготовки специалистов по этим вопросам.

И третьим из числа наиболее важных органов будет являться комиссариат путей сообщения, который при выполнении возложенных на

него задач должен заниматься вопросами производительности труда и улучшения условий жизни работников транспорта, вопросами фонда заработной платы и её распределения, вопросами научно-практических разработок, и т. д. [97, с. 32].

На законодательном уровне структура занятости населения регулировалась отраслевыми нормативно-законодательными актами. Таковыми будут являться в первую очередь кодексы законов о труде РСФСР и БССР. Кодекс Законов о Труде 1918 года отражал реалии военного времени и слабости страны, а, следовательно, был направлен на жёсткую регламентацию и централизацию регулирования трудовых отношений.

Кодекс Законов о Труде 1918 г., как и пришедший ему на смену Кодекс Законов о Труде 1922 г. были противоречивыми документами в области регулирования трудовых отношений. Если Кодекс Законов о Труде 1918 г. имел скорее декларативный характер, то Кодекс 1922 г. уже был совершенен как с юридической точки зрения, так и с теоретических позиций. Оба кодекса сыграли свою роль в регулировании трудовых отношений молодого государства: Кодекс Законов о Труде 1918 г. – в несколько меньшей степени из-за непродолжительности своего действия; Кодекс Законов о Труде 1922 г. – в несколько большей, так как его нормы соответствовали социальным и экономическим реалиям периода НЭПа. С окончанием НЭПа Кодекс Законов о Труде 1922 г. значительно изменился и стал содержать как позитивные положения, так и множество негативных. Значимость Кодекса Законов о Труде 1922 г. уменьшилась в связи с существенным изменением социально-экономических условий, имевшихся при его принятии. Экономические методы периода НЭПа были заменены командно-административными [34, с. 164].

За исключением издания некоторых главных законов в сфере трудовых взаимоотношений, отнесенных Конституцией Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. к юрисдикции Союза ССР, трудовое законодательство являлось прерогативой союзных республик. Результатом этого явилось принятие на территории БССР Кодекса о труде Белорусской ССР 1929 года.

Сравнивая Кодекс Законов о Труде 1922 г. с Кодексом о Труде 1929 г., можно выделить следующие основные позиции, по которым они отличались: отличия в правовом регулировании отдельных аспектов трудовых отношений, они (отличия) хотя и не носили глобального характера, но все же имелись (отличия по срокам, по порядку, по размерам оплаты); некоторые статьи Кодекса 1929 г. были просто переформулированы в сравнении с Кодексом Законов о Труде 1922 г., не изменив при этом своего содержания; статьи Кодекса 1929 г. были грамматически и стилистически уточнены в связи с разви-

тием русского языка; Кодекс 1929 г. по сравнению с Кодексом 1922 г. был дополнен положениями, которые были введены позднейшим трудовым законодательством.

Изменения в законодательстве БССР можно объяснить той обстановкой в стране, которая сложилась в данный период истории. Для этого прибегнем к характеристике, данной А. Д. Зайкиным и Л. Г. Коняхиным: «в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926.1929 гг.) служебная роль трудового права проявилась в содействии строительству социалистической экономики. В это время борьба за повышение производительности труда тесно связывалась с укреплением трудовой дисциплины (на производство пришли новые кадры рабочих, в особенности из сельской местности, не привыкшие к дисциплине, необходимой в условиях крупного производства)» [29, с. 35].

Несмотря на относительно небольшой вклад заключённых в экономику Беларуси, его также нельзя игнорировать. Трудовые отношения с заключёнными регулировались на законодательном уровне Исправительно-трудовым кодексом БССР. Исправительно-трудовой кодекс имел важное значение для установления единообразной политики в сфере исполнения уголовных наказаний после революции и гражданской войны этот законодательный акт заменил собой большое количество ведомственных нормативных актов. Регулировал исполнение такого вида наказания как принудительные работы в БССР без лишения свободы. Устанавливал органы исправительно-трудового дела, виды исправительно-трудовых учреждений, классификацию заключённых и общие правила содержания заключённых в исправительно-трудовых учреждениях, а также меры поощрения и воздействия.

Начиная с 30-х гг. в связи с принятием ЦИК и СНК СССР постановления от 06.11.1929 и Положения об исправительно-трудовых лагерях от 07.04.1930 изменивших порядок отбывания лишения свободы, деятельность органов по исполнению наказаний стала регулироваться ведомственными актами НКВД. По этой причине Исправительно-трудовой кодекс БССР, равно как и Исправительно-трудовые кодексы других союзных республик фактически не применялся, хотя и не был отменён.

Отношения между работодателями и работниками регулировались не только трудовым законодательством, но и коллективными договорами, которые были введены вскоре после принятия Новой экономической политики (НЭПа) в 1922 году [70, с. 16].

До принятия НЭПа органы государственного управления Промышленности и профсоюзы не заключали коллективные договоры. Память о методах, действовавших при военном коммунизме, когда условия

труда определялись профсоюзами и строго регламентировались государством во всех сферах, были еще слишком свежи. Хотя профсоюзы на V съезде в сентябре 1922 года приняли резолюцию, в которой говорилось, что «коллективный договор является формой соглашения, которая наиболее полно согласовывается с особыми условиями различных отраслей промышленности и различных промышленных предприятий» [97, с. 39]. Также наблюдались частые попытки на местах игнорировать коллективный договор как средство регулирования отношений между работодателями и наемными работниками [65, с. 178].

Это было совсем не удивительно, учитывая меры, принятые в отношении заработной платы. Состояние государственного бюджета не позволяло быстро повышать ставки заработной платы, и проблема необходимости коллективных договоров была предметом постоянных обсуждений в связи с недостаточными финансовыми ресурсами местных бюджетов, выделенных на выплату заработной платы. В то же время заработная плата строго контролировалась путем установления определенного фонда для государственной промышленности, причем фиксированные оклады государственных служащих и должностных лиц также подвергались тщательному.

Также, говоря о структуре занятости населения БССР, как части СССР и её государственном регулировании нельзя не отметить такой важный в общей структуре занятости населения фактор как репрессии, в целом, и использование труда заключённых, в частности. В связи с отсутствием на территории Беларуси крупных «Всесоюзных» строек он использовался в значительно более меньших масштабах, чем на территории РСФСР, где, например, первым следствием новой репрессивной политики была поспешная организация уже в августе 1937 г. сразу семи лесозаготовительных лагерей.

Тем не менее репрессии оказали серьёзнейшее влияние на общую структуру занятости населения. Особенно это проявилось в сокращении числа работающей интеллигенции. Так, если в 1927/28 учебном году, перед началом первой волны репрессий, в Беларуси действовали почти 5000 школ, в которых работали примерно 10 тысяч учителей. В 4 высших учебных заведениях республики состояли 504 преподавателя, на 6 рабочих факультетах – 120, в 30 техникумах – 566, в 34 профессиональных школах – 408, в 13 фабрично-заводских школах – 157, в 8 учебно-практических мастерских – 45. Всего – 1800 преподавателей [32].

Из этих 11800 педагогов за 10 лет (1929—1939 гг.) был репрессирован каждый третий – 3935 человек. Это в три раза более высокий уровень репрессий, чем для населения республики в целом!

Из примерно 3000 репрессированных школьных учителей высшее образование имели около 900 человек (30 %), незаконченное высшее – 300 (10 %), среднее специальное (техникум) или незаконченное среднее специальное – около 400 (13,3 %), среднее – около 1000 (33,3 %), незаконченное среднее (семилетку) – 300 (10 %). В сельских малокомплектных школах были учителя и с начальным образованием (150 человек, 5 %). Как видим, большинство учителей (86 %) имело, как минимум среднее образование, то есть, по меркам того времени, они были весьма образованными людьми. Из 3935 арестованных преподавателей средней и высшей школы более 700 (17,8 %) было казнено [32].

Из примерно 550 литераторов, печатавшихся в Беларуси в 1920—1930-е годы, большевики репрессировали не менее 450 (82%), а с учетом авторов, вынужденных покинуть Отчизну и, по сути, прекратить свое участие в творческой жизни на родине, репрессиям подверглись около 500 литераторов (91%) [32].

Говоря о позитивных тенденциях в государственном регулировании занятости населения следует отметить, что за счёт распространения образования планомерно повышалось число людей и с высшим образованием и просто грамотных. Всего по состоянию на 1939 год в Беларуси работало почти 16 тысяч человек с высшим образованием [52, л. 2].

Таблица 2.1 – Количество лиц, занятых в экономике БССР с высшим образованием [52, л. 3-4].

Наркоматы, ведомства и организации	Всего специалистов	Из них						
		Инженеров	Экономистов	Агрономов	Зоотехников и ветврачей	Врачей	Университетских и педагогических специальностей	Прочих специалистов
1	2	3	4	5	6	7	8	9
По всем наркоматам, ведомствам и организациям	15923	2943	1293	781	645	2950	5984	1327
НКТяжелого маши-	118	103	13					2

Продолжение таблицы 2.1.

ностроения								
НКсреднего машиностроения	48	42	6					
Наркоматы оборонной промышленности	315	283	15	1	2		11	3
НКЭлектростанций и электропромышленности	20	20						
НКцеллюлозно-бумажной промышленности	381	244	67				27	43
НКпромышленности строительных материалов	94	74	13				7	
НКтекстильной промышленности	108	76	12	1		1	4	14
НКлёгкой промышленности	218	130	68				13	7
НКпищевой промышленности	312	172	47	32	1	2	45	13
НКмясо-молочной промышленности	146	85	20	4	34			3
НКЮстиции	217		4			2	13	198
Прокуратура	152							152
Госплан	175	16	124	7	3		17	8
УНХУ	90		76	4	1		8	1
Академия наук БССР	288	44	11	63	12		149	9
Комсомольские организации	25	2	5	2	4		12	

Обеспечить такое высокое число специалистов с высшим образованием позволил быстрый рост в конце 1920 – начале 1930-х гг. количества учреждений высшего образования. Причём подобный рост наблюдался не только среди высших учреждениях образования, но и, что было даже важнее для сферы занятости, среди средних специальных и профессионально-технических заведений. Также, насколько видно из приведённой выше таблицы, если судить по числу специалистов с высшим образованием, то в БССР особое внимание отводилось именно лёгкой и перерабатывающей промышленности

Таблица 2.2 – Количество образовательных учреждений на территории БССР и количество обучающихся в них. [54, л. 17].

Типы образовательных учреждений	1925 г.	1929 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
ВУЗы и ВТУЗы	3	3	29	16	15
В них учащихся	4161	4319	9790	9794	13098
Техникумы	29	31	104	81	79
В них учащихся	4906	6419	20166	16742	22686
Рабфаки	3	7	50	35	35
В них учащихся	882	1340	10924	9451	12842
ФЗУ	50	55	98	67	Н.д.
В них учащихся	4310	5547	13309	6616	Н.д.

В начале 1930-х годов вследствие конечной экспроприации частных предприятий не стало «хозяев с наемными рабочими»; к концу первой пятилетки в основном исчезли и наемные рабочие в частном кустарно-раемсленном секторе. Сокращалось количество кустарей. Так, если в 1926 года по БССР их насчитывалось 89066, то в марте 1935 года – лишь 6385 [26, с. 330]. Однако несмотря на небольшое количество, они все еще играли важную роль и были представлены широким набором профессий, которые чаще всего не дублировали фабрично-заводскую производство (пищевая, обувная, гончарная, сапожная, бондарные и др.). Большая часть кустарей и ремесленников в 1930-е годы являлась членами различного рода кооперативов.

С объявлением частного предпринимательства вне закона производство перестало быть базисом социальной структуры общества. В 1930-е годы сложилась социальная система, которая базировалась на огосударствлено экономической основе и состояла практически полностью из социальных слоев и групп, связанных с госсектором. Единственным хозяином богатств страны и распределителем материальных и других благ стало государство,

которое руководствовалось принципом государственной пользы. В условиях индустриализации горожане получали преимущество перед деревенскими жителями, а население крупных индустриальных центров – перед жителями малых и неиндустриальных городов [56, с. 66]. И, естественно, в самом привилегированном положении находились представители власти.

Таким образом, партийно-политическое руководство СССР проводило достаточно жёсткую и эффективную политику в сфере управления занятостью населения. Под текущие нужды осветской экономики составлялось трудовое законодательство, в том числе и в сфере использования принудительного труда.

Среди негативных факторов, которые оказывали непосредственное влияние и на демографические процессы, и на структуру занятости населения нужно назвать голод, эпидемии и, безусловно, репрессии 30-х годов. Те, кто не был приговорен к высшей мере наказания, умирали в лагерях и тюрьмах. Как отмечают российские исследователи, даже сам НКВД не знал истинных размеров смертности в лагерях [1, с. 44]. Те, кто смог выжить, были исключены из процесса воспроизводства населения и нормальной экономической жизни страны. Тяжелейшим образом сказались репрессии и на людях интеллектуального труда, интеллигенции.

Из положительных факторов в первую очередь стоит отметить быстрый рост грамотности и образованности населения, декларацию в законодательстве правовых норм, защищающих права значительной части работающего населения, обеспечение достаточно низкой безработицы.

2.2. Учёт структуры занятости населения в БССР

Исследуя государственное регулирование структуры занятости населения нельзя оставить неосвещённым вопрос учёта работающего населения в БССР.

В декабре 1918 г. при Минском губернском совете было образовано Минское губернское статистическое бюро, реорганизованное постановлением I съезда Советов БССР от 4 февраля 1919 г. в Центральный статистический отдел. На основании приказа №76 Ревкома БССР в октябре 1920 года образовано Центральное статистическое бюро (ЦСБ) БССР.

3 ноября 1924 г. III сессия ЦИК БССР утвердила положение о государственной статистике. На правах наркомата было создано ЦСУ БССР, которое подчинялось непосредственно ЦИК и СНК.

Перед ЦСУ были поставлены следующие главные задачи Во-первых, производство на территории БССР по заданию ЦСУ БССР общегосударственных, промышленных, сельскохозяйственных и других переписей, разработка собранных материалов;

Во-вторых, ведение текущих статистических наблюдений во всех областях общественной жизни, хозяйственной и культурной деятельности государственных и общественных организаций республики и ее населения.

На основании постановления ЦИК и СНК БССР от 23 января 1930 г. ЦСУ БССР ликвидируется. Его функции и аппарат были переданы сектору народнохозяйственного учета Госплана БССР (до 1941 г. Управление народнохозяйственного учета) [41, с. 121].

Основными источниками для изучения структуры занятости населения БССР являются материалы переписей населения 1926 года, 1937 года, 1939 г.

Причём следует отметить, что первая перепись была проведена в августе 1920 г. Говорить о ее достаточной степени точности и объективности нельзя, так как на территории Беларуси сказывались тяжёлые последствия советско-польской войны. К тому же во многих местах на территории Беларуси свирепствовал бандитизм.

Нельзя назвать исчерпывающими с точки зрения исследования структуры занятости населения и следующую перепись, которую проводили в марте 1923 г. Она исследовала только состав городского населения. В декабре 1926 г. была проведена первая всесоюзная перепись. В переписном листке кроме области, губернии, округа стояла и такая административно-территориальная единица как кантон. В соответствии с первой всесоюзной переписью население Беларуси составляло 4 млн. 925 тыс. человек.

Хронологически эти переписи отстоят друг от друга недалеко, но проводились они в совершенно разных политических и социально-экономических условиях. Если первая из них, перепись 1926 года, стремился максимально полно отразить не только имеющуюся численность населения, но и сложную социальную структуру, характерную для нэпа, то переписям 1930-х годов были навязаны жесткие рамки для фиксации занятий населения, процентное соотношение между городским и деревенском населения и, более того, сколько человек должно жить в СССР в это время. Однако, итоговые данные переписи 1937 г. не удовлетворили правительство ни по общей численности населения, ни по

показателю грамотности и образования, ни по уровню религиозности и т.д. Полученные данные были объявлены результатом «вредительской проведения переписи» и засекречены, а организаторы переписи репрессированы. Еще в более жестких условиях проходила перепись 1939 г. Однако его результаты не опровергли в основном данные переписи 1937 г.

В отличие от переписи 1926 г. переписи 30-х годов проводились в совершенно других обстоятельствах, испытывали на себе влияние политической конъюнктуры. Сталин к XVII съезде ВКП (б) в 1934 г. заявил, что общая численность населения СССР составляет 168 млн. человек. Эта цифра была выведена на конец 1933 г., а до 1937 г. ожидали, что она достигнет примерно 180 млн. Вторым моментом, который сделал невозможным точный учет населения, было заявление Сталина о «росте жителей в городах и рабочих, занятых в промышленности, по крайней мере вдвое больше, чем в старое время» [28, с.29]. Руководители переписи в таких условиях должны были набрать цифру хотя бы выше той, которая была указана в докладе вождя, и скрыть потери населения, связанные с голодом, репрессиями. Это вызвало перенос сроков переписи и, даже, по предложению Сталина, с 1936 г. введение запрета на аборт, что дало временно на два ближайших года высокую рождаемость [28, с.32].

На XVII съезде Советов Сталин заявил, что «наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества исчезли с лица советской земли» [27, с.16]. Введение этой схемы привело к явным потерям в социальной структуре, которая фиксировалась переписью: исчез термин «самодельный хозяин», он был заменен оскорбительным – «единоличник»; нерабочие объединялись в одну группу со служителями культа; нескооперированные и скооперированные кустари рассматривались как единая группа, члены семей колхозников, занятые на подсобном хозяйстве, переписывались как единоличники, в то время как члены семей рабочих – как рабочие и др.

Несмотря на попытки скрыть потери населения путем манипулирования с данными переписи 1937 года, нужный результат достигнут не был. Перепись 1937 г. зафиксировала в СССР только 162 млн. человек. В БССР проживало 5196549, что составило 5,5% прироста населения по сравнению с 1926 г. [27, с.36]. Точность переписи 1937 года о общей численности населения сегодня не вызывает сомнения. Более сложным является вопрос относительно численности городского населения. Согласно переписи в БССР в городах жило 1086563, что составило по сравнению с 1926 г. – 136,3% [28 с. 41-42]. Население городов в условиях индустриализации, действительно, увеличилось, но не

в таких размерах, как ожидалось. К тому же в Беларуси и на Украине прирост городского населения был более низким, чем в РСФСР.

Наиболее крупные города БССР (Минск, Витебск, Гомель, Могилев, Бобруйск) увеличили численность своего населения от 1,5 до 1,8 (Бобруйск) раз. В Минске проживало 197,3 тыс., В Витебске – 141,3 тыс., В Гомеле – 125,4 тыс., В Могилеве – 79 тыс., В Бобруйске – 72,1 тыс. Человек [28, с. 59].

Перепись 1939 г. проводилась в условиях еще более жесткого давления. В результате цифры подгонялись под ранее заданный результат. Однако приписка населения по разным регионам происходило неравномерно: больший процент приходился на те районы, где были более чувствительными потери населения, связанные с голодом начала 30-х гг. (От 2,4 до 10%), с целью сокрытия мест массовых содержаний высланных, проводилось перераспределение переписных листов заключенных [16, с. 56].

Тем не менее эта перепись не опровергла основных данных предыдущей. Согласно переписи 1939 г. в СССР жило 167,3 млн. Человек (куда вошли данные спецпереписав НКВД), а с учетом коэффициента поправки – 167,6 млн. Однако объявлено была цифра в 170 млн. Человек [12, с.8]. В БССР согласно этой переписи было 5568994 [12, с. 21].

Ещё более политизированным был вопрос о численности населения в переписи 1939-го года. Необоснованные приписки к общей его численности по СССР составляла 14% [12, с.64]. В БССР, согласно этой переписи, городское население составило 1375 117. Таким образом, если в 1926 г. городское население составляло около 15%, то в 1939 – около 25% [12, с.22]; доля рабочих в общей численности населения увеличилась с 4,05% в 1926 г. до 21,9% в 1939 г. [28, с. 333]. Тем не менее, данные переписи позволяют проследить общие тенденции в изменении социальной структуры городского населения.

Таким образом, вопросы численности населения и учёта структуры занятого населения, проводившийся в на государственном уровне в рассматриваемый период был в значительной степени не точным и не достоверным. Переписи 1920 и 1923 гг. носили слишком ограниченный характер для того, чтобы по ним определить сколько-нибудь точную картину занятости населения.

При проведении переписей политическое и партийное руководство страны 1937 и 1939 гг. стремилось завысить численность городского населения, численность людей занятых в промышленности, кроме того в соответствии с установками высшего партийно-политического советского

руководства организаторы переписей 1930-х гг. стремились максимально упростить социальную структуру населения. Единственной объективной и в то же время информативной относительно рассмотрения в ней структуры занятости населения следует признать перепись 1926 г.

ГЛАВА 3 ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

3.1 Структура занятости городского населения в период НЭПа

В годы НЭП существовала частная, кооперативная и государственная торговля. В 1922 – 1923 гг. в Беларуси частникам принадлежало 90% торговых предприятий и 85% оборота. Внешняя торговля осуществлялась через комиссариат внешней торговли РСФСР. Сложилась сеть кредитных учреждений. В нее вошли Госбанк в Минске и 9 филиалов в окружных центрах, Белорусская контора Промбанка в Минске, а также специализированные, коммерческие и др.

НЭП охватывал также сферу промышленности. Была выстроена новая система управления крупной промышленностью. Государство в лице ВСНХ и местных органов обеспечивало руководство предприятиями, которые постепенно переходили на хозрасчет.

Значительное развитие мелкого производства было одной из особенностей Беларуси. В 1923 г. в Беларуси насчитывалось около 3212 частных предприятий, их годовой оборот составлял 5432,1 тыс. рублей. Шел процесс консолидации мелкой промышленности. На 1 октября 1927 г. насчитывалось около 265 производственно-промышленных артелей. Большая часть мелких предприятий принадлежала частным лицам или находились в аренде [18, с. 314].

К 17 декабря 1926 года времени территория БССР составляла 126 тыс. км². На этой территории проживало 4983, 24 тыс. Человек. Абсолютное большинство населения составляла титульная нация (более 80%) но уже по данным на январь 1939 г. эта цифра увеличилась до 5 млн 568 тыс. 994 чел. [1, с. 21]. В городах проживало 847,8 тыс. Человек [13, с. 17-18]. Общее соотношение между сельским и городским населением свидетельствуют о низкой степени урбанизации. На территории БССР насчитывалось 113 городских поселений (города и поселки городского типа), из них 12 являлись окружными центрами, в том числе столица Минск. 19 поселений, отнесенных к городским, имели населения менее 1 тыс. ; 67 поселений – от 1 тыс. До 5 тыс., 17 – 5 до 10 тыс. Человек, более 10 тыс. Было в 12 городах. Наиболее крупными городами были Минск, Витебск, Гомель, Бобруйск, Могилев [13, с. 6-8].

Таблица 3.1 – Население БССР в 20–30-е гг. XX в. (в тыс.) [47, л. 11.].

	1924	1927	1932	1933
Всего населения	4604,7	4983,2	5352,2	5467,3
Городского	748,8	779,0	923,3	940,8
Сельского	3855,9	4204,2	4428,9	4526,6

Насколько видно из таблицы на протяжении периода с 1924 по 1933 годы соотношение численности городского и сельского населения фактически не менялась. Городское население составляло всего около 16-19% от общей численности населения.

Однако опережающими темпами росло население крупных городов. Так, населения 5 крупнейших белорусских городов выросло в среднем на 150-180 процентов. Также следует отметить, что подобная тенденция прослеживалась не только в БССР, но и в остальных союзных республиках. Так крупнейшие города УССР в среднем увеличили численность своего населения за 13 лет на 160-210%, в европейской части РСФСР население крупных городов за исключением Москвы и Ленинграда также выросло не менее, чем в полтора раза.

Таблица 3.2 – Население крупных городов БССР по результатам переписей 1926 и 1939 гг. [24, с. 35].

Название города/	Численность населения по переписи 1926 г.	Численность населения по переписи 1939 г.	Рост в процентном соотношении
1	2	3	4
Минск	123 967	197 267	159,1
Витебск	90 740	141 258	155,7
Гомель	83 162	125 403	150,8
Могилёв	46 607	79 051	169,6
Бобруйск	39 796	72 131	181,3

Перепись 1926 года разделила по роду занятий все население на 2 большие группы: самодеятельное население (те, кто имеет самостоятельные источники доходов) и несамодеятельное (те, кто живет за счет других лиц, дети до 10 лет). В БССР к первой группе относилось 3141896, из них в городских поселениях – 382,2 тыс. Среди самодеятельного населения существенно преобладали мужчины, женщины еще относительно слабо были вовлечены в производство [10, с. 29].

НЭП создал социальную структуру характерную для страны в условиях рыночного хозяйства со всеми присущими ей элементами –

предпринимателями, торговцами, рабочими, крестьянами, служащими, бюрократией, ремесленниками, кустарями, интеллигенцией, рантье, безработными, нищими и др.

Переход к нэповским отношениям сопровождался использованием всех возможностей партийно-государственного аппарата для юридического или практического оформления бесправного положения большинства «носителей» нэпа (предпринимателей, торговцев, лиц, пользовавшихся наемной рабочей силой). Они рассматривались государством как «эксплуататорский, чужой для социализма элемент капиталистической формации» и рядом с «бывшими людьми» (выходцы из ранее привилегированных сословий, священники, сотрудники правоохранительных органов старого режима и др.) и состоятельными крестьянами и членами их семей относились к группе лишенной политических прав – «лишенцам». Они не имели права не только избирать и быть избранными, занимать государственные или общественные выборные должности, но и получать пособие по безработице, претендовать на получение государственной медицинской помощи, их дети исключались из школ второй ступени, не принимались в вуз. В зависимости от изменения политического курса некоторые из этих групп получали права. Так в 1925 г. из списка «лишенцев» были исключены кустари и ремесленники [10, с. 94], которые имели не более одного взрослого работника, мелкие торговцы. Однако уже в 1926 г. эти послабления были отменены, а категории «лишенцев» – расширен. В 10 крупнейших городах республики в 1931 г. было лишено избирательных прав 6,4% населения от 18 лет [15, с. 504]. Категория «лишенцев» исчезла только в 1936 г. по принятием Конституции СССР, провозгласившей придание равных прав.

В годы НЭП были восстановлены и построены десятки фабрик и заводов, в их числе кожевенный завод «Большевик» и обойная фабрика в Минске, обувная и кондитерская фабрики в Гомеле и др. Всего за годы восстановления было построено 106 новых предприятий. К концу 1925 г. валовой продукт промышленности превзошел уровень 1913 г. на 28,5%. В целом, промышленность Беларуси имела полукустарный характер и базировалась на местном сырье. В 1926 г. в мелкой промышленности было занято 73% рабочих, на ее долю приходилось 58% валового производства.

Отметим, что в 1920-е гг. в структуре промышленности БССР деревообрабатывающая, спичечная, стеклянная и бумажная отрасли занимали лидирующее место по количеству рабочих: на их долю приходилось более 40% рабочих ценовой промышленности. В трикотажной, швейной и полиграфиче-

ской отраслях представительство крестьян было наименьшее: 13,3%, 10,5% и 6,3% соответственно.

Восстановление народного хозяйства явилось не только результатом эффективности НЭП, но и героических усилий рабочего класса, крестьянства, а также помощи советских республик.

По национальному составу белорусы по-прежнему были заняты в основном в сельском хозяйстве, то городской пролетариат даже в конце 1930-х гг. еще оставался пестрым по своему национальному составу: белорусы составляли 45,9%, евреи – 36%, русские – 10,7%, поляки – 4,4%, на остальные национальности приходилось 3% рабочих промышленности.

В некоторых отраслях промышленности доминировали евреи: в швейной отрасли их доля составляла 78,5%, полиграфической – 73,3%, кожевенно-обувной – 70,1%, в обработке животных материалов – 69%, кожевенно-меховой, чулочно-трикотажной и пищевой – 57,1%, 52,3% и 39,9% соответственно. В рассматриваемый период 1924-1927 гг. в этих областях наблюдались высокие темпы коренизации: в пищевой рост доли белорусов составил 7%, печати – 8%, кожевенно-обувной -10% [69, с. 6]. Рост удельного веса белорусского элемента в рабочем классе республики выравнивал социально-национальный баланс и, по мнению партийного руководства, гарантировал «правильное» решение национального вопроса в БССР.

Таким образом, в 1920-х гг. происходит восстановление экономики БССР, рост городского населения. Наиболее массовую группу города составляли рабочие, в 1926 г. их было 67,6 тыс. человек. Они были заняты в основном в государственном секторе хозяйства. Фабрично-заводских рабочих из них насчитывалось 27,4 тыс., 10,4 тыс. – Рабочие железнодорожного транспорта. Подавляющее большинство мелких частных предприятий не пользовалась наемной рабочей силой.

Также важное значение для экономики Республики имели предприниматели, торговцы, владельцы мелких производственных предприятий, однако в силу внутренней политики советского руководства их роль недооценивалась, а сами они зачастую были поражены в правах.

3.2. Индустриализация и изменения в структуре занятости городского населения

В 1930-е гг. в Советской Белоруссии активно шли процессы индустриализации, формировались новые отрасли промышленности и производства. Также в этот период начинается довольно быстрый количественный рост рабочего класса и служащих. Если в начале первой пятилетки на одно

крупное предприятие приходилось 250 рабочих, то через два года – 870. В 1932 г. количество рабочих в промышленности республики составляла 135,5 тыс. Человек, а к концу 1937 г. достигла 262,2 тыс. Человек [26, с. 224].

К началу индустриализации в БССР проживало 3,4 % населения и производилось всего 1,6 % промышленной продукции СССР. Развивались преимущественно лёгкая, пищевая, деревообрабатывающая и химическая промышленность, а начиная со второй пятилетки – машиностроение и производство строительных материалов. Значительное внимание уделялось такой трудоёмкой отрасли, как текстильная, поскольку её развитие позволяло быстро решить проблему безработицы и аграрного перенаселения. Во время первых двух пятилеток были открыты Гомельский завод сельскохозяйственного машиностроения «Гомсельмаш», швейная фабрика «Знамя индустриализации» и фабрика КИМ в Витебске, Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный завод, Могилёвский авторемонтный завод, Гомельский стеклянный завод, две очереди БелГРЭС. Было построено 11 крупных торфозаводов. За три пятилетки промышленное производство в БССР выросло в 23 раза. Перед началом Второй мировой войны БССР производила 33 % общесоюзного производства фанеры, 27 % спичек и 10 % металлорежущих станков [90, с. 395].

Индустриализация привела к росту числа людей, занятых в крупном машинном производстве. На 1939 г. в БССР наибольшее число рабочих относилось к металлистам (41,5 тыс.), занятым в сфере деревообрабатывающей промышленности (15 тыс.), текстильщикам (11,7 тыс.), Около 20 тыс. Человек работало на транспорте [19, с. 199-200]. Реконструкция промышленности, применение техники парабавали квалифицированной рабочей силы. В стране разворачивала работу разветвленная система подготовки кадров всех уровней.

Доля женщин среди рабочих крупной промышленности выросла с 34,4% в 1928 г. до 45,4% в 1937 г. [27, с.331], в областях легкой промышленности они составляли 2/3 всех работающих.

До второй половины 1930-х годов выросла доля служащих, основная их масса была сосредоточена в городах. В 1937 г. стало значительно больше, чем в 1926 г. советских и партийных работников. Отмечается и значительный рост количества высшего звена административно-управленческих кадров. В переписи 1939 г., помимо большего количества, которое выросло даже в сравнении с 1937 г. видна еще и сформированная разветвленная номенклатурная сеть, охватившая все сферы хозяйственной и культурной жизни. Общее количество руководителей партийных организаций,

государственных, кооперативных, общественных учреждений и предприятий БССР составило более 54 тыс. Человек [27, с.199-200].

Таблица 3.3 – Отношение числа рабочих к общему населению БССР в 1930-ые гг [48, л. 64].

Города	Население на 1938 год	Цензовые		Промкооперации		Всего	
		Кол-во предприятий	Число рабочих на 01.01.1938	Кол-во предприятий	Число рабочих среднегодового за 1937	Кол-во предприятий	Число рабочих
Орша	32 153	13	1509	13	1333	26	2897
Слуцк	12 291	9	428	10	532	19	1010
Полоцк	25 261	15	835	11	557	26	1392
Лепель	6945	2	111	6	108	8	219
Борисов	34 867	22	5884	13	689	35	6573
Бобруйск	83 590	24	8606	21	1741	45	10347
Речица	21 542	12	3341	10	816	22	4157
Мозырь	12 353	8	1370	6	258	14	1628
Витебск	127 311	71	28825	24	1349	95	30174
Минск	180 872	94	21146	33	1895	127	23041
Гомель	121 932	46	17077	33	1642	34	18719
Могилёв	58 073	37	10246	24	994	61	11240

В пролетарском государстве, где главное место занимали «рабочие массы», именно городской пролетариат, «чистые пролетарии», т.е. рабочие, лишённые средств производства, выходцы из рабочей среды, которые обладали длительным производственным стажем, сравнительно квалифицированные и развитые должны были составлять «основное ядро рабочего класса».

Именно эта социальная категория наделялась чертами высшего классового сознания, т.е. была наиболее преданной революции и большевистской партии. Образ «чистого пролетария» позволял демонстрировать свою близость революции и большевистской власти и были лояльными для советской власти элементами. Крестьянам же, ремесленникам, мелким торговцам и ку-

старям отводилась второстепенная роль по причине их мелкобуржуазной психологии.

Более того, внутри самого рабочего класса существовала определенная градация по степени близости к символам революции. По мнению российского исследователя С. Ярова, чертами наибольшей сознательности наделялись рабочие-металлурги, которые выставлялись самой «большевищированной» частью пролетариата по причине «своей дисциплинированности, сплоченности, высокой профессиональной квалификации». В самом деле, количественный анализ анкет делегатов IV-XIV съездов КП (б) Б показал, что при заполнении графы «Профессия» партийными активистами-рабочими доминировали профессии, которые относились к группе металлургов. Рабочие-металлурги составляли 32,6% делегатов рабочих [70, с. 16].

Важным показателем регулирования количества занятого населения являются показатели числа безработного населения, его количества и срока поиска безработными нового места трудоустройства. Анализ сводных ведомостей по безработице в г. Гомеле достаточно чётко показывает, что среднее время безработицы для большинства специалистов, работающих в сфере промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства не превышало 6 месяцев. Так, например, из 38 безработных мужчин г. Гомеля ранее занятых в фабрично-заводской промышленности 25 были безработными менее 5 месяцев и только 13 искали работу более этого срока. Из 47 безработных мужчин занятых ранее в сельском хозяйстве 34 искали работу менее 6 месяцев, 10 свыше этого срока, продолжительность безработицы для ещё троих неизвестна [49, л. 38].

Однако, такая ситуация с безработицей была характерна не для всех отраслей, например, среди 173 мужчин ранее занятых в сфере торговли и кредита 96 стояли на учёте менее 6 месяцев, а 68 более этого срока, причём 38 человек искали новую работу более года [49, л. 42].

Таким образом, в 20–30-е гг. XX в. среди городского населения БССР произошли не только количественные и структурные изменения состава населения (увеличение численности городского населения), но и существенные качественные (изменения условий жизни, рост культурного и образовательного уровней). Все это сказалось на развитии процесса урбанизации в БССР, в котором существенную и определяющую роль сыграла политика индустриализации в республике. Однако архивные и опубликованные данные свидетельствуют о достаточно низких темпах процесса урбанизации в республике, о его противоречивом характере.

Форсированная индустриализация, быстрая урбанизация, всеобъемлющее огосударствление коренным образом трансформировали

социальный облик города. В конце 1930-х 2/3 здесь составляли рабочие госпредприятий, 1/3 служащие госпредприятий. Ранее многие ремесленники и кустари имели в незначительную долю; большинство мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников и других представителей частной сферы влились в пролетариат, социальная стратификация 1920-х годов с характерной для ее национальной спецификой была сломлена. В стране создавалась новое общество. В целом, можно говорить о том, что индустриализация уничтожила ту гибкость выбора профессии и относительную свободу в сфере занятости созданную НЭПом. Что позволило создать крупную промышленность, однако кардинальным образом снизило качество жизни населения.

ГЛАВА 4. ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Занятость сельского населения в период НЭПа

Подавляющее большинство населения БССР рассматриваемого периода проживало в сельской местности, соответственно судьба белорусского крестьянства имела важное значение в масштабах всего государства. Сельские жители были вынуждены работать в крайне сложных макроэкономических условиях. Посевные площади сократились на 36,5%, значительно понизилась урожайность, уменьшилось поголовье скота. Не хватало хлеба, товаров народного потребления. Усилились массовый политический и криминальный бандитизм, воровство.

Новая экономическая политика (НЭП) была принята на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Продразверстка была заменена натуральным налогом. Крестьяне получили право распоряжаться своей продукцией, которая оставалась после уплаты налогов. Учитывая размеры продразверстки, на территории Беларуси продналог был установлен вдвое большим. Для сбора налогов был сформирован штат уполномоченных. На каждый уезд были созданы по две специальные выездные сессии ревтрибунала, которые судили неплательщиков на месте. Приговоры были суровыми, вплоть до 3-х лет тюрьмы и конфискации имущества.

1 августа 1922 г. вводился единый натуральный налог. Вместо 18 видов продовольствия новый налог должен был сдаваться шестью основными продуктами. В этом же году вводились денежные налоги, которые составляли 21% от натурального. На начало 1923 г. вводился единый сельхозналог, который выплачивался частично продуктами, частично – деньгами. С 1 января 1924 г. налог взимался только червонцами в размере 5% прибыли с хозяйства [92].

Введение НЭП в Беларуси совпало по времени с передачей земли крестьянам. В 1921 г. крестьянство увеличило свое землепользование на 11,4%. В сентябре 1922 г. Президиум ЦИК БССР принял закон о «Трудовом землепользовании», который провозгласил свободу выбора форм землепользования. Законными признавались артели, частные владения в виде отрубов и хуторов. Разрешалась сдача земли в аренду и использование наемного труда, поощрялось развитие кооперации. За 1923 – 1928 гг. в Беларуси на хутора вышло 25% крестьянских хозяйств. Аренда в сельском хозяйстве Беларуси не получила широкого распространения. В 1925 г.

арендой пользовались 7,7%, в 1927 – 11% крестьян. В 1929 г. в сельском хозяйстве работало 81,1 тыс. наемных работников. Быстро росла кооперация. В 1929 г. насчитывалось 3348 товариществ: мелиоративных, семеноводческих, машинных, кредитных и др. Потребительской кооперацией было охвачено 30% населения. Шел процесс сокращения коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по совместной обработке земли. Если в 1921 г. на территории Беларуси насчитывалось 710 коллективных хозяйств, то в 1925 г. их стало 433, которые были в основном созданы на площадях земельного фонда. До 1927 г. сельское хозяйство БССР было восстановлено [84, с. 12].

Изучение социальной структуры в деревне 1920 – х гг. усложняется тем, что перепись 1926 г. фактически не учитывала занятия по хозяйству и участие в воспитании детей. Абсолютное большинство сельчан работало в сельском хозяйстве. Среди остальных групп можно выделить строителей, транспортников, кустарей, служащих, торговцев. Необходимо отметить, учитывая удельный вес группы населения до 19 лет, высокий уровень самодеятельного населения. Он был обусловлен тем, что на селе сохранялась постоянная традиция привлечения к участию в сельскохозяйственных работах с детства. М. В. Довнар-Запольский, характеризуя участие детей в работе в зависимости от возраста и пола, писал: «Дети с ранних лет выполняют те или иные хозяйственные обязанности, и чем меньше семья, тем раньше крестьянский подросток знакомится с суровой работой. С пяти лет ребенок нянчит своих маленьких братьев и сестер, с 7-8 – он уже пастух, идет за повозкой и др., с 12 лет для мальчика начинаются первые упражнения в земледелии: он заготавливает сено и пашет, с 15 лет берется за цеп, косу, а еще года через два и за соху, так что до 20 лет он уже хлебороб, который прошел все академические курсы крестьянского хозяйства» [25].

Таблица 4.1 – Структура занятости сельского населения по результатам переписи 1926 года [13, с. 25-26].

Положение в занятии/отрасли народного хозяйства	Сельское хозяйство	Фабрично-заводская промышленность	Кустарно-ремесленная промышленность	Железнодорожный транспорт	Прочие виды транспорта	Торговля и кредит	Учреждения	Прочие отрасли
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рабочие	30785	4057	3163	424	4803	34	299	10386
Служащие	2303	756	309	112	1510	103	12686	2630
Лица свободных профессий	-	-	-	-	-	-	1376	

Продолжение таблицы 4.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Хозяева с наёмными рабочими	22211	5	1672	7	-	134	-	3
Хозяева с помощниками членами семьи и членами артели	713502		1402	105		84	98	18
Одиночки	14700	9707	1146		345	1325		72
Члены семьи помогающие семье в основном занятии	1890747		2614	71	48	749		21

В рассматриваемый период сельские жители априори были поставлены в менее выгодное положение. Образование для сельских жителей по-прежнему было менее доступно, чем для городских.

Таблица 4.2 – Грамотность населения БССР в возрасте от 10 до 15 лет в процентах [50, л. 62].

Население	В возрасте 10–15 лет			В возрасте 16–50 лет		
	в 1926	в 1930	в 1931	в 1926	в 1930	в 1931
Всего	65,6	94,4	100	57,1	76,4	94,2
В т.ч. сельского	91,2	99,5	100	83,9	93,0	95,2
В т.ч. городского	61,2	93,6	100	50,6	72,1	93,9

Важной тенденцией социальной миграции населения в 1920-е гг. стал процесс перемещения части рабочих из деревень в города. На волне восстановления промышленности эта категория сельских жителей активно искала лучше доли в городе.

Многие рабочие, которые пришли в город из села, продолжали в различной форме поддерживать связь с сельским хозяйством. По данным статистики, 6,8% промышленных рабочих республики имели землю в деревне. Наиболее прочные связи с землей были у рабочих тех отраслей, предприятия которых располагались в сельской местности. Например, в торфяной промышленности землю имели 60,9% рабочих, в керамической и стеклянной – 12% и 10% соответственно [4, с. 716]. В этих отраслях промышленности землю нередко имели и кадровые рабочие. Показатель связанности с землей очень точно характеризовал социально-экономические условия социальных

перемещений: «большинство рабочих, которые имели хозяйство в деревне, в прошлом являлись бедняками и были вынуждены пойти в город на заработки» [68, с. 7].

В зависимости от размера заработка менялась и форма взаимосвязи с землей. Среди рабочих с невысокими заработками доля обрабатывающих землю личной работой была намного выше, чем среди тех, кто просто оказывал материальную помощь своим родственникам в деревне.

Через сельских жителей городской пролетариат пополнялся и недавними кустарями, ремесленниками, и торговцами. Особенно этот процесс проявился в таких отраслях промышленности, как швейная, кожевенно-обувная, полиграфическая, меховая и трикотажная: здесь на фоне низкого представительства выходцев из крестьян высокий процент занимали эти социальные категории населения.

«Деклассированные рабочие» – активно перемещались в ряды пролетариата. Как отмечал на VII съезде КП (б) Б в 1923 г. секретарь Центрального Бюро партии В. Богущкий, «повсеместно промышленность встраивает в свою среду деклассированных рабочих, которые сейчас бегут в город из деревни» [71, с. 48]. С целью изучения социальных процессов среди пролетариата в конце 1926 г. партийными органами было проведено специальное «обследование нового слоя рабочих» [53, л. 9]. Таким его широко обсуждали на X съезде где КП(б)Б в 1927 г. «Новый слой рабочих» имел следующую социальную структуру: так называемые «бывшие рабочие» составляли в нем 50,6%, дети рабочих – 21,9%, батраки и сельскохозяйственные рабочие – 13,4%, крестьяне, связанные с сельским хозяйством – 11,2%, кустари – 2,9% [71, с. 49]. В своем выступлении на съезде первый секретарь КП(б)Б А. Крыницкий лично подчеркивал, что «необходимо внимательно отнестись именно к так называемым старым рабочим. Нельзя сказать, что эта часть является подлинно пролетарской, прошедшей ранее хорошую школу фабрики и завода, сохранивших эту школу, принесших на предприятия сейчас ясную классовую сознательность».

По партийным документам отмечалось культурно-политическая и техническая отсталость большинства новых рабочих пришедших из села. Многие рабочие, которые пришли в город из села, продолжали в различной форме поддерживать связь с сельским хозяйством. По данным статистики, 6,8% промышленных рабочих республики имели землю в деревне. Наиболее прочные связи с землей были у рабочих тех отраслей, предприятия которых располагались в сельской местности. Например, в торфяной промышленности землю имели 60,9% рабочих, в керамической и стеклянной – 12% и 10% соответственно [69, с. 7]. В этих отраслях промышленности

землю нередко имели и кадровые рабочие. Показатель связи с землей очень точно характеризовал социально-экономические условия социальной миграции: большинство рабочих, которые имели хозяйство в деревне, в прошлом являлись бедняками и были вынуждены пойти в город на заработки. В зависимости от размера заработка менялась и форма взаимосвязи с землей. Среди рабочих с невысоким заработком доля обрабатывающих землю личной работой была намного выше, чем среди тех, кто просто оказывал материальную помощь своим родственникам в деревне.

Таким образом, в 1920-ые гг. по результатам Всесоюзной переписи 1926 г. подавляющая часть сельского населения (около 90%) являлась единоличниками-хозяевами обрабатывающими землю, как правило, самостоятельно или с помощью членов своих семей. В то же время начинают развиваться процессы переселения и переориентации значительной части сельского населения на город. В первую очередь самое молодое и активное население деревень стремилось интегрироваться в промышленные и административные структуры города.

Но такие факторы, как низкий относительно городских жителей уровень образования и настороженное отношение партийного руководства к выходцам из деревень приводили к образованию целого слоя выходцев из деревни не до конца интегрировавшихся в рабочую среду и сохраняющих свою связь с землей.

4.2 Социальные изменения в условиях коллективизации

Вторая половина межвоенного периода явилась временем глубоких изменений в жизни белорусской деревни. Коллективизация, раскулачивание, усиления репрессий с одной стороны и механизация, повышение уровня грамотности и образованности с другой значительно изменили и её социальный вид, и структуру занятости сельских жителей.

После ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. началось наращивание темпов коллективизации. Если в ноябре 1929 г. в колхозах Белоруссии находилось 77,7 тыс. Крестьянских хозяйств, процент коллективизации составлял 9,8%, то в начале 1930 г. количество крестьянских хозяйств, вовлеченных в колхозы, было доведено до 165,3 тыс., А процент коллективизации поднят до 20,9%. В течение месяца, таким образом, показатели увеличились более чем вдвое [63].

Вскоре, 5 января 1930 ЦК ВКП (б) принял постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

К осени 1930 г. коллективизацию предусматривалось завершить в важнейших зерновых районах страны, к осени 1931- весне 1932 гг. в основных районах и в целом по Союзу - в течение пятилетки. Несмотря на то, что Беларусь не относилась к производителям зерна, январский (1930 г.) Пленум ЦК КП(б)Б принял решение до конца 1931 г. завершить коллективизацию всех бедняцких-средняцких хозяйств. Более того, в феврале 1930 г. Бюро ЦК Компартии Беларуси решила коллективизировать к весеннему севу 75-80% крестьянских хозяйств. 10 февраля нынешнего же года ЦК КП (б) Б отправил в ЦК ВКП (б) докладную записку с предложением признать БССР республикой сплошной коллективизации [63].

Для проведения коллективизации в деревню были направлены сотни уполномоченных, которые не знали нужд крестьян, совершали еще большее произвола, чем местные власти. На руководящие должности в коллективные хозяйства были поставлены рабочие-двадцатипятидесятые. Разъяснительная и организационная работа подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Раскулачивать начали не только кулаки, но и середняков - тех, кто не хотел вступать в колхозы. Грубейшие искажения допускались при национализации средств производства. Уровень коллективизации стремительно повышался. К 1 марта 1930 г. в Беларуси в колхозах насчитывалось 457,7 тыс. Крестьянских хозяйств 58% их общего количества. (на тот же период в УССР - 67,1%; Казахстан - 63,0%) [21, с. 654].

Коллективизация привела к отчуждению бывших владельцев земли от основного средства производства - земли. Фактически крестьяне превратились в наемных государственных работников. Именно этого требовала теория К. Маркса и В. Ленина о построении коммунизма.

Параллельно в советской деревне 1930-х гг. происходил рост социальной миграции. Как отмечалось в источниках, безработные в большинстве своем состояли из неквалифицированных рабочих, людей, которые были выброшены в город из-за аграрной перенаселенности деревни. При этом в партийной аналитике «отдельно подчеркивался» непролетарский канал проникновения безработицы в среду городского пролетариата: наибольшая группа безработных – из деревни, давит на рабочих, через новый слой рабочих, – отмечал на X съезде КПБ(б) А.Крыницкий в своем отчетном докладе [53, л. 11-12].

В условиях отсутствия в БССР крупных промышленных предприятий такие процессы вызвали серьезную обеспокоенность партийных лидеров, поскольку «монолитность» пролетариата являлась залогом успешного строительства социализма. Именно рабочие крестьянского происхождения, имели землю в собственности.

Согласно представлениям советских идеологов приносили с собой на промышленность, мелкособственнические настроения, желания использовать фабрику для себя [71, с. 47]. Причем отношения их к идеям и ценностям Советского государства представлялось большевистским идеологом негативными, поскольку новый слой рабочих являлся благоприятной средой для «популистских, вредных лозунгов против социалистической рационализации, против пересмотра норм выработки и расценок, за неограниченный рост зарплаты, за немедленную уравниловку зарплаты и т.д.».

Как отмечал в 1927 г. А. Крыницкий, «деклассированные рабочие, которые вернулись в город, приносят сейчас на предприятия такие же непролетарские настроения, как и абсолютно новый слой рабочих из деревни, или кустарей, которые только сейчас оторвались от мелкого хозяйства» [53, л. 12].

Специальные исследования слоя новых рабочих «показывали слабую развитость у них чувства пролетарской солидарности. Отмечалось, что «новые рабочие смотрят на фабрику как на источник средств к «существованию» стремятся формально получить союзный билет». На фабрике «Красная Березина» отмечалось, что работницы, набранные на производство из деревень, еще не прониклись пролетарской психологией. С приходом «новых рабочих» связывалось уменьшение производительности труда: в среднем «у новых рабочих» она была на 20% ниже, чем у «старых». Партийное руководство замечало, что «новые рабочие часто имеют небрежное, бесхозяйственное отношение к производственной части, среди них также прослеживаются тенденции к уравниловке.

За мягкой формулировкой А.Крыницкого о «недостаточной спайке новых и старых рабочих» на самом деле скрывались социальные конфликты, которые имели место среди пролетариата БССР. Так, например, на некоторых предприятиях «новые» и «старые» рабочие сознательно работали в разных сменах; те, кто только прибыл на фабрику, жаловались, что «старые» не хотят обучать их квалифицированной работе.

В партийных документах констатировались случаи антагонизма между новыми и старыми рабочими, поэтому «Усиление работы по классовому воспитанию отсталых групп новых рабочих в условиях малочисленности пролетариата и «мелкобуржуазного окружения» являлась важнейшей задачей партии на протяжении всего периода 1920-1930-х гг.

В советской историографии изменение социальной среды пролетариата рассматривалось в таком же контексте: выходцы из деревни, многие из которых сохранили связь с мелкотоварным сельским хозяйством в большин-

стве своем несли мелкобуржуазную психологию и привычки», вносили в рабочую среду мелкобуржуазную идеологию [71, с. 50].

Современные исследователи во многом близки в своих исследованиях к этим оценкам: по мнению российской исследовательницы Н. Лейбиной, уроженцам деревни были характерны черты крестьянской психологии, бытовые настроения, непоследовательность и противоречивость в политических взглядах. Большинство крестьян, которые пришли работать в промышленность, привносили с собой специфические формы проведения досуга: драки «стенка на стенку», «посиделки с алкогольными напитками». В районах расселения крестьян (чаще всего это были окраины города) царил обстановка бывших окольных деревень».

Слой «новых рабочих» являлся своеобразным катализатором социальных конфликтов, которые вырезались, как правило, неудовольствием в разнице оплаты труда по сравнению с квалифицированными рабочими и специалистами [40, с. 31.]. Такие конфликты часто приобретали национальную окраску.

Национальная окраска социальных конфликтов, которые вызревали в среде вчерашних крестьян, являлась предметом пристального внимания информационно-аналитической «службы» ЦК КП (б) Б. Как отмечалось в партийной аналитике, «споры на национальной почве проявились в среде рабочих партийцев, которые подчеркивают в своих выступлениях, что евреи на квалифицированной работе и легкой. Это в основном объясняется отсталостью многих рабочих, а также приходом нового слоя рабочих из деревни» [52, л. 61]. Подобные конфликты широко обсуждались на XI съезде КП(б)Б в 1927 г.

Рост социальных конфликтов являлся не только результатом социально-экономического развития БССР, но и последствиями серьезных противоречий между городским и сельским, которое понималось, по определению американского исследователя С. Смита, как конфликт между «продвинутым» и «отсталым» [95, р. 3]. Среди сельских жителей выросло ревностное отношение к горожанам, и особенно четко оно проявлялись у тех крестьян, которые отправлялись на заработки в города.

Крестьяне считали, что «В городе живет лучше, меньше работают, больше зарабатывают, а в деревне больше работают, меньше зарабатывают». По их мнению, город жил хорошо и живет, а деревня как была отсталая, так и осталась поскольку «рабочие работают 8 часов и живут в сытости и достатке, а мы 16 часов и вообще не имеем, чем питаться» [52, л. 74—75.]. Также крестьяне очень остро воспринимали культурную разницу между городом и деревней.

При незначительном удельном весе металлургии в БССР (рабочие этой отрасли составляли лишь 9% от общего числа рабочих цензовых промышленности Беларуси) и доминировании отраслей по перерабатывающей промышленности, материалов сельского хозяйства

Можно также предположить, что обозначая в анкете какую-либо профессию из данного разряда, коммунисты стремились подчеркнуть свою принадлежность к социально значимым атрибутам общества и разделить тем самым ценности пролетарского государства.

Несомненно, пролетарская классовая принадлежность и социальное происхождение служили основанием для решения многих практических вопросов, таких как прием в вузы, распределение пайка, получение жилья. В то же время «пролетарская идентичность» являлась и очевидным атрибутом престижа. Французский исследователь Ж.Депре отмечал, что крестьяне и городские «полупролетарии» говорили о рабочих как о высшем, привилегированном классе, который выражает им свою враждебность или, по крайней мере, неприязненность [24, с. 100]. Также Ш.Фицпатрик указывала на то, что «Недоверие, смешанное со снисходительным презрением, было часто направлено в отношении крестьян и лиц свободных профессий, которые воспринимались как отсталые и мелкобуржуазные [93, р. 772].

Тяжёлое эмоционально-психологическое состояние сельских мигрантов в условиях установки на «городское» и «пролетарское» оказывало решающее влияние на процесс трансформации социальных идентичностей, который происходил в их среде в течение изучаемого периода. Среди выходцев из сельской местности на фоне зависти к городским жителям несомненно возникало и желание избавиться от ощущения неполноценности, от «неудобной идентичности», присоединиться к передовой городской культуре и «продвинутой» пролетарской сознательности.

В структуре занятости сельского населения на всём протяжении межвоенного периода преобладали традиционные занятия. В 1930-х гг. подавляющее большинство крестьян бывших хозяйственниками, обрабатывающих самостоятельно или с помощью членов своей семьи землю либо вошли в состав колхозов, либо подверглись определённым репрессиям, либо перешли в состав пролетариата. Также поменялись и подходы к учёту населения занятого в сельском хозяйстве, если в переписе 1926 г. была отдельная графа, для членов семей колхозников, занятых в подсобном. То при проведении переписи 1937 г. они все перешли в разряд безработных либо единоличников.

Усилилась в 1930-е гг. тенденция к переезду сельских жителей в города, пополнения ими числа рабочих. Значительная часть населения стреми-

лась перебраться в город, либо, по крайней мере, найти себе работу в сфере производства, а не сельского хозяйства. Но тот факт, что деревенские жители уступали городским по уровню образования, иные «ментальные установки» по поводу работы приводил к многочисленным конфликтам, как с городскими рабочими, так, часто, и с партийным руководством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменением структуры занятости населения на территории БССР межвоенного периода является крайне сложной и слабо исследованной темой на сегодняшний момент времени. Среди негативных факторов, которые оказывали непосредственное влияние и на демографические процессы, и на структуру занятости населения нужно назвать голод, эпидемии и, безусловно, репрессии 30-х годов. Те, кто не был приговорен к высшей мере наказания, умирали в лагерях и тюрьмах. Как отмечают российские исследователи, даже сам НКВД не знал истинных размеров смертности в лагерях. Те, кто смог выжить, были исключены из процесса воспроизводства населения и нормальной экономической жизни страны. Тяжелейшим образом сказались репрессии и на людях интеллектуального труда, интеллигенции.

Из положительных факторов стоит отметить быстрый рост грамотности и образованности населения, декларацию в законодательстве правовых норм, защищающих права значительной части работающего населения, обеспечение достаточно низкой безработицы.

Направления и масштабы социальной трансформации населения БССР в 1920-е гг. были обусловлены объективными условиями социально-экономического развития страны в указанный период. Доминирование «негородских» социальных слоев в общей структуре населения БССР, а также неравномерное распределение благ в городе и на селе создавало предпосылки, при которых перемещение сельских жителей в города являлась наиболее адекватным способом решения ими своих материальных трудностей.

В 20–30-е гг. XX в. в среди городского населения БССР произошли не только количественные и структурные изменения состава населения (увеличение численности городского населения), но и существенные качественные (изменения условий жизни, рост культурного и образовательного уровней). Все это сказалось на развитии процесса урбанизации в БССР, в котором существенную и определяющую роль сыграла политика индустриализации в республике. Однако архивные и опубликованные данные свидетельствуют о достаточно низких темпах процесса урбанизации в республике, о его противоречивом характере.

Форсированная индустриализация и быстрая урбанизация коренным образом трансформировали социальный облик города. В конце 1930-х 2/3 от общей численности населения составляли рабочие госпредприятий, 1/3 служащие госпредприятий. Ранее многие ремесленники и кустари имели незначительную долю; большинство мелких предпринимателей, торговцев,

ремесленников и других представителей частной сферы влились в пролетариат, социальная стратификация 1920-х годов с характерной для неё спецификой была сломлена. В стране создавалась новое общество. В целом, можно говорить о том, что индустриализация уничтожила ту гибкость выбора профессии и относительную свободу в сфере занятости созданную НЭПом. Что позволило создать крупную промышленность, однако кардинальным образом снизило качество жизни населения.

В структуре же занятости сельского населения на всём протяжении межвоенного периода преобладали традиционные занятия. Деревенские жители уступали городским по уровню образования, иными были и «ментальные установки» по поводу работы. Значительная часть населения стремилась перебраться в город, либо, по крайней мере найти себе работу в сфере производства, а не сельского хозяйства.

Рост промышленности и пролетаризация деревни стимулировали сельских жителей к изменению своего социального статуса, перемещения в категорию пролетариата. Основными источниками пополнения рабочего класса являлись представители сельской бедноты – малоземельных и безземельных крестьян, занимавшихся низкоквалифицированными работами, а также деклассированные рабочие, которые возвращались в города на волне восстановления промышленности.

Приток этих социальных категорий был ощутим на границах социального контакта, когда в горсоветы, рабочие поселки, на отрасли промышленности с сезонным характером производства и минимальными требованиями к квалификации рабочей силы приезжали крестьяне из близлежащих деревень. Вместе с крестьянами городской пролетариат пополнялся и недавними кустарями, ремесленниками, мелкими торговцами, что было наиболее заметно в таких областях промышленности, как швейная, кожевенно-обувная, полиграфическая, кожевенно-меховая и чулочно-трикотажная.

В то же время процессы социальной мобильности в крестьянской среде подчинялись внутренней логике построения государства диктатуры пролетариата, которая характеризовалась следующими ценностными установками. Во-первых, установкой на городское как на передовое, а деревенское как отсталое. А во-вторых, установкой на пролетарскую идентичность как социальный идеал государственной власти.

Переезд в город из сельской местности, трудоустройство на завод, фабрику или сезонные виды производства были связаны не только с желанием улучшения своего материального положения, но и отражали скрытое

стремление людей присоединиться к передовой городской культуре, изменить «неудобную непролетарскую» идентичность.

Для членов Коммунистической партии демонстрация своего пролетарского характера могла осуществляться через отождествления с наиболее «популярными» рабочими профессиями.

Таким образом, процесс активного конструирования своих социальных идентичностей членами советского общества в течение 1920-х гг. существенно усиливал социальную напряженность в обществе, при этом социальные конфликты часто приобретали национальную окраску. Параллельно с процессом изменения структуры занятости населения шёл «слом» традиционного уклада жизни значительной части общества, ликвидация безграмотности и трансформация общей социальной структуры общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Е. М. Население Советского Союза 1922-1921 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьков. – М., 1993. – 139 с.
2. Архив воспоминаний участников Второй Мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/>. – Дата доступа: 14.05.2017.
3. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 1939 г. у вусных успамінах жыхароў Беларусі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nasharamiac.org/archive/1939.action>. – Дата доступа: 16.04.2017.
4. Беларусь: Народ. Государство. Время /Нац. Акад. наук Беларуси; Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя и др. – Минск: «Бел навука», 2009. – 879 с.
5. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР 1919—1929. Мн., 1929. – 367 с.
6. Белорусская ССР за 50 лет: Стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР (ЦСУ БССР); К.И. Бердников, А.А. Ищечкин, В.С. Умыль [и др.]. – Мн.:Беларусь, 1968. – 562 с.
7. Белорусский архив устной истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nasharamiac.org/archive/home>. – Дата доступа: 19.04.2017.
8. Борисёнок, Ю. А. Белорусско–российское пограничье в 1918-44 гг. / Ю. А. Борисёнок // Вопросы истории – 2004 – № 12 – С. 105-112.
9. Бяспалая, М.А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады нэпа (1921–1927) / М.А. Бяспалая. – Минск: «Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў», 2009. – 325 с.
10. Великий Октябрь и социальная структура советского общества: Рабочий класс / ред. кол.: Е.М.Бабосов (отв. ред.) [и др.]. Мн., 1987. – 248 с.
11. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. – М, 1927-1929. – 10 т. – 182 с.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. БССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. – 296 с.
13. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVII. БССР. Отдел II. Занятия. – М.: Изд-е ЦСУ СССР, 1928. – 190 с.
14. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.
15. Галубовіч, В. І. Эканамічная гісторыя Беларусі. Вучэбны дапаможнік: Выд. 2-е, дап. і перапр./ В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч, Г.П.

Бушчык і інш. / гал. рэд. В.І. Галубовіч. – Мінск: НКФ “Экаперспектыва”, 1995. – 593 с.

16. Гарэцкі, Г.І. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. / Г.І. Гарэцкі // Палымя. – 1929. – № 5. – С. 18 – 54.

17. Гісторыя Беларусі ў 6 т. Т. 5. Беларусь ў 1917-1945 / А. Вабішчэвіч і інш.; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. – Мн.: «Экаперспектыва», 2006. – 613 с.

18. Голубович, В. И. Экономическая история Беларуси / В. И. Голубович. – Минск, 2001. – 399 с.

19. Гресь, С.М., Зинкевич, О. С. Некоторые аспекты экономической политики Польши в Западной Беларуси (1921—1939 гг.) // Апробация. – 2013. – № 12 (15). – С. 19-31.

20. Гуін, П. Вусная гісторыя / П.Гуін // Будучыня гісторыі: зборнік артыкулаў па сучаснай гістарыяграфіі / склад. Г.Сагановіч; пер. з англ. Л.Баршчэўскі, І. Ганецкая, М. Раманоўскі; навук. рэд. Г.Сагановіч. – Мінск: «Медысонт», 2008. – 185 с.

21. Данилов, В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) / В.П. Данилов // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: РОССПЭН, 2011. – 831 с.

22. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытанні. – Мн.: Выд. нац.камісіі ЦВК БССР, 1929. – 517 с.

23. Дедюля, П.В. Сельская интеллигенция и ее роль в коммунистическом воспитании трудящихся деревни: (На материале БССР): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.02 / П.В. Дедюля. – Мн., 1971. – 37 с.

24. Депре Ж. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920—1930-е гг.) / Ж. Депре // Экономическая история. Обзорение. – 2001. - № 7. - С. 96-111.

25. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.com>. – Дата доступа 10.05.2017

26. Дриц, В. И. Развитие экономики Белоруссии в 1921-1927 / В. И. Дриц. – Мн., 1973. – 335 с.

27. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва: «Наука», 2001. – 382 с.

28. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А.Поляков. – Москва: «Наука», 1996. – 152 с.

29. Зайкин А. Д., Коняхин Л. Г. Развитие трудового права за 70 лет советской власти / А. Д. Зайкин // Вестник Московского Университета. - Сер.11, Право. - 1987. - № 6. - С. 30-38.
30. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4-х т. Т. 2: Рабочий класс БССР в годы Великой социалистической революции и построения социализма (1917 – 1937) / М. П. Костюк [и др.]. Мн., 1985. – 211 с.
31. История страны в документах фонда НАРБ «Государственный комитет БССР по статистике» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narb.by/rus/info/stat> Дата доступа: 16.04.2017.
32. Інстытут беларускай гісторыі і культуры [Электронная крыніца]. – Рэжым доступу: <http://inbelhist.org/krovavyj-plast-istorii-2/> Дата доступу: 16.04.2017.
33. Каминская, П. Трудовой кодекс Советского Союза. Третье издание. / П. Каминская. – М., 1928. – 471 с.
34. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск, 2000. – 189 с.
35. Ковкель, И История Беларуси с древнейших времён до нашего времени / И. Ковкель, Э. Ярмусик. – Минск, 1998. – 506 с.
36. Кон, М. Потребительские цены в России. / М. Кон. – М., 1926.-195 с.
37. Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. / Н. Д. Кондратьев. – М: Наука, 1991. – 567 с.
38. Крумин, Г. Экономическая политика СССР / С. Крумин. – Москва, 1929. – 506 с.
39. Ластовский, А. Специфика исторической памяти Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Вестник общественного мнения, 2004. - №9. – С. 24-37.
40. Лейбина, Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 1920—1930-х гг. / Н. Б. Лейбина // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 27-43
41. Лыч, Л. М. Ликвидация экономического и социально культурного неравенства советских республик: на примере Белорусской ССР (1917 – 1941 гг.) / Л. М. Лыч. – М.: «Наука и техника», 1987. – 287 с.
42. Макаров, Н.П. Рыночное молочное хозяйство и кооперация / Н.П. Макаров. – М., 1926. – 217 с.
43. Маркус, Б.Л. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР / Б. Л. Маркус // История пролетариата СССР. – 1930. - № 2. - С. 57-71.

44. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / АН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: «Беларусь», 1994–1995. – Ч. 2. – 511 с.
45. Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1. / Отв. ред. В.Б. Жиромская – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
46. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ в г.Минске). Ф. 4-п. – Оп.3. – Д.35.
47. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ в г.Минске). Ф. 702. – Оп.1. – Д.83.
48. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 30. - Оп. 7. - Д. 17.
49. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 30. - Оп. 2. - Д. 7373.
50. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4-п. - Оп. 1. – Д. 2766а.
51. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 30. - Оп. 7. - Д. 17
52. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4п. - Оп. 1. - Д. 1982.
53. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4. - Оп. 1. - Д. 2839
54. Новосельский, С.Л., «Продолжительность жизни населения СССР в 1926-1927 гг. Таблицы смертности. / С. Л. Новосельский, В. В. Пасикий В.В. М., 1929. – 114 с.
55. Овсянников, В. Как живет рабочий в СССР / В. Овсянников. - Москва, 1928. – 75 с.
56. Осокина, Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. / Е. Осокина. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 312 с.
57. Панкратова, А.М. Проблема изучения истории пролетариата / А. М. Панкратова // История пролетариата СССР. – 1930. - № 1. - С. 22—28
58. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. - 832 с
59. Перепись населения Беларуси: при царе, при большевиках и без них [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2009/10/18/ic_articles_116_165012 Дата доступа: 16.04.2017.
60. Прейскурант единых государственных цен на продуктовые товары. – Куйбышев, 1935. – 114 с.

61. Рабинович, А. Проблема повышения производительности труда / А. Рабинович. - Москва, 1925. – 287 с.
62. Рабочыя цэнзавай прамысловасці БССР: Па матэрыялах папярэдняй распрацоўкі перапісу рабочых цэнзавай прам., чугун. майстэрняў і дэпо, вытворанаму ў лютым 1930 г. – Мн., 1930. – С. 8—11.
63. Радов, Н. Белорусская деревня – прошлое в настоящем / Н. Радов // REGNUM-Беларусь. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarus.regnum.ru/news/1529180.html>. – Дата доступа: 14.06.2017.
64. Раков, А. А. Население БССР, 1969 / А. А. Раков. – Минск: «Наука и техника». – 224 с.
65. Рашин, А. Заработная плата в период экономического восстановления в СССР с 1922 по 1927 гг. / А. Рашин. – Москва, 1928. – 325 с.
66. Риер, Я. Г. Историческая демография: учеб. пособие / Я.Г. Риер. 2-е изд. доп. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – 160 с.
67. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 478. – Оп. 1. – Д.851.
68. Рытаў, А.У. Сацыяльная мабільнасць насельніцтва БССР у 1920-я гады: аб'ектыўныя ўмовы і суб'ектыўныя фактары / А.У.Рытаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – №4. – С. 4-11.
69. Рытаў, А.У. Фарміраванне новай сацыяльнай іерархіі ў БССР ў 20-я гады ХХ стагоддзя: адукацыйны аспект / А.У.Рытаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – №3. – С. 3-11.
70. Рытов, А.В. Развитие советского государства в межвоенный период в зарубежной и отечественной историографии: от социальной к «культурной» истории / А.В. Рытов // Вестник Полоцкого государственного университета. – № 7. – Серия А. Гуманитарные науки. – 2007. – С.15-17
71. Рытов, А.В. Формирование новой социальной иерархии в БССР в 1920-х гг. / А.В.Рытов // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 2007. – №7. – С.46-51.
72. Сарокін, А.М. На ростанях айчыннай гісторыі. Беларуская вёска: Ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гады) / А.М. Сарокін. – Мінск, 1999. – 256 с.
73. Савельев, М. М. Направления Коммунистической партии СССР в области экономической политики, 1917-1927 гг. / М. М. Савельев. – Москва-Ленинград, 1928. – 468 с.
74. Семенов, Т. Местные переписи населения 1931 г. / Т. Семёнов // Народное хозяйство СССР. - 1932. - № 3-4. - С.164-169.

75. Система образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.gov.by/main.aspx?guid=18201>. – Дата доступа: 09.12.2015
76. Снежков, Е. Практический комментарий к Трудовому кодексу. 5-е издание. / Е. Снежков. - Москва, 1928. – 375 с.
77. Сянькевіч, Г.Р. Народная адукацыя і педагагічная думка ў Беларусі (1917–1945) / Г. Р. Сянькевіч. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 473 с.
78. Толкачев, В. И. Эволюция белорусской государственности и национальная идея / В. И. Толкачѳв // Труд и социальные отношения. – 2005. - № 2. – С. 12-23
79. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. – Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999. – 485 с.
80. Трудовые ресурсы и социальная структура населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrmap.su/ru-g11/1338.html>. – Дата доступа 13.05.2016
81. Халатов, А. Производительность труда / А. Халатов. – Москва-Ленинград, 1925 г. - 184 с.
82. Ходзин, С. М. Беларуская вѳска ў межаваенны час: шляхи і формы савецкай мадэрнізацыі (1921-1939) / С. М. Ходзін. – Мінск, 2014. – 240 с.
83. Ходин С. Н. Этносоциальная динамика белорусского общества: новые источники и подходы / С. Н. Ходин // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2010. – С.223–229.
84. Ходин, С. Н. Этносоциальные процессы в Беларуси в межвоенный период / С. Н. Ходин // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол. : Т. А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 12 – 16
85. Ходин, С.Н. Колхозное строительство в Белорусской ССР в 1921 – первой половине 1929 гг.: автореф. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Н. Ходин; Бел. гос. университет. – Минск, 1990. – 36 с.
86. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А.В. Чаянов. – М.,1919. – 118 с.
87. Челинцев, А.Н. Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий сельскохозяйственной политики / А.Н. Челинцев // Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. – М., 1927. – 44 с.

88. Черепица, В. Н. История гродненщины XIX—XX столетий в событиях и лицах / В. Н. Черепица. Гродно, 2003. – 126 с.
89. Шнэйдэр, Я. Абнішчанне сялянства Заходняй Беларусі і шлях да заможнага жыцця у БССР / Я. Шнэйдэр. – Менск, «Выдавецтва Беларускай Акадэміі навук», 1934. – 53 с.
90. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795-2002. / З. Шыбека. – Мн.: Энцыклапедыкс, 2005. – 673 с.
91. Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897-1989. / П. Эберхардт. - Менск: «Беларускі фонд Сораса», 1997. – 197 с.
92. Электронный портал «Слово» Экономика БССР в период НЭПа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovo.ws/urok/historyofbelarus/20/017.html>. - Дата доступа: 16.04.2017.
93. Fitzpatrick, S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia / S. Fitzpatrick // Journal of Modern History. 1993. – Vol. 65. Issue December. – P. 756-774.
94. Hoffmann, D. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929—1941. / D. Hoffmann. – Ithaca, 1994. – 374 p.
95. Smith, S. Russian Workers and the Politics of Social Identity / S. Smith // The Russian Review. – 1997. – Vol. 56. Issue January. – P. 3-14.
96. Zagorsky, S. Wages and Regulation of Conditions of Labour in the U.S.S.R. / S. Zagorsky. – Geneva, 1930. – 212 p.